

СМЕНА

12

1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Сон & сн

НА БЕРЕГАХ ДАУГАВЫ

Красива и нарядна Рига — столица Латвийской ССР. Этому городу 750 лет, но жизнь в нем кипит молодой, новой, 21 июня 1940 года Латвия была провозглашена Советской Социалистической Республикой, Латвийский народ вошел в дружную семью народов СССР. Хозяевам страшно было освобождение.

Ныне Рига — крупный промышленный и культурный центр. Благодаря братской помощи нашей страны, город быстро залечил раны, нанесенные войной, и сейчас строится и растет. Предприятия Риги выпускают электротурбины, вагоны, передвижные электростанции, плавучие грейферные краны, велосипеды, ткани, обувь. Уже в 1950 году объем промышленной продукции рижских фабрик и заводов увеличился более чем втрое по сравнению с довоенным. Восстановлен Рижский морской порт, электрифицирована железная дорога, ведущая от города и взморья, строится рижская тепловыделительная станция.

Впервые в истории Латвии создана Академия наук. Ученые ведут работу в 16 научно-исследовательских институтах. Из разных городов и сел Латвии в Ригу приезжают юноши и девушки, чтобы стать студентами государственного университета, медицинского института, сельскохозяйственной академии, консерватории, академии художеств, педагогического института, института физкультуры. Сейчас в вузах Риги занимается около 10 тысяч студентов.

Культурная жизнь столицы Советской Латвии богата и многогранна. Рижане по праву гордятся своими кинотеатрами и клубами, концертными залами и библиотеками, театрами и музеями, парками и садами.

На снимках: 1. Набережная Даугавы; 2. Здание Латвийской государственной академии художеств; 3. В Рижском морском порту; 4. Улица Кирова, дом № 18. Здесь в 1900 году В. И. Ленин встретился с латвийскими социал-демократами; 5. Вид на центральную часть города; 6. Государственный театр оперы и балета; 7. На строительстве Дома колхозника; 8. Государственный музей латвийского и русского искусства.

Фото А. Моikleцова.

В жизни нашей страны, где все поставлено на службу советскому человеку, немалую роль играет авиация. Летчики доставляют продукты в тайгу научным экспедициям, помогают колхозникам получать высокие урожаи, вместе с врачами спасают жизни титанолюбцами в дальних северных селениях. Но на воде найдется ровная посадочная площадка, где бы самолет мог приземлиться, тогда на помощь приходит вертолет. Эти машины, созданные советскими конструкторами, могут без работы подниматься вверх и опускаться на самые маленькие площадки. Вертолет может остановиться в воздухе и по веревочной лестнице принять пассажиров и грузы. Один из таких моментов вы видите на этом снимке.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Июнь. № 12. 1954 год.

Год
издания
31-й

2

У ПОДНОЖЬЯ КАМЕННОГО ВЕРБЛЮДА

Хорошо работают и «соперники» — комсомольцы соревнующейся с ними первой тракторной бригады. Их бригадир Сергей Лычагин ежедневно проводит со своими трактористами короткие собрания-летучки, на которых обсуждаются итоги рабочего дня. Здесь выясняются и волнующий каждого вопрос «кто кого». Недисциплинированному или отстающему от других трактористу приходится выслушивать на этих летучках слова суровой товарищеской критики. Народ в бригаде подобрались дружный, деловой. В работе помогают друг другу, но если повздорил, спуску не дадут. Да это и вполне понятно: много дел предстает впереди.

В Чкаловской области по решению Коммунистической партии и Советского правитель-

ства предстоит освоить сотни тысяч гектаров целинных и залежных земель. Только в Адылском районе будет поднято около 350 тысяч гектаров целины. В одном этом районе организуется 4 зерносовхоза, в том числе совхоз, который обозначен на карте под названием «Восточный». Земли этого совхоза раскинулись вокруг скалы, одиноко торчащей в необъятных степных просторах.

Еще свежа в памяти у каждого из новоселов первая встреча с этими местами. Эшелон, в котором 200 километров на машинах добравшись молодые энтузиасты из города Орска до места своей будущей работы.

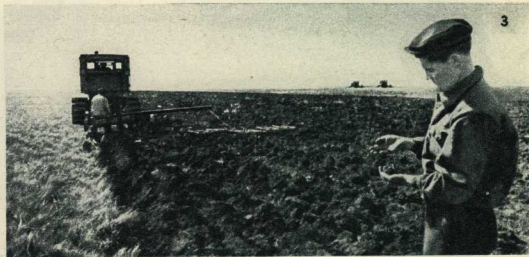
Кругом лежали узкие ковыльные степи. И друг раздался удивленный возглас:

Вблизи рек Тобола и Аккерге, в камышах у озера Челкар, там, где раньше лишь ютились птицы да рыскали дикие звери, в глухой степи, словно из-под земли, выросли палатки, полевые вагончики, походные кухни и мастерские совхоза «Восточный».

Кажется, еще совсем недавно ночью раздался здесь гул тракторных моторов и, сверкая фарам, пришли первые машины. А сейчас уже до самого горизонта тнуется борозды поднятой мощными плугами целины.

Горячее соревнование охватило все тракторные бригады на полевых станах совхоза. Вот принимает смену комсомолец Иван Спирикин, приехавший на новые земли после демобилизации из армии. Он заправляет свою машину и с рассвета выводит ее на поля. С первых дней работы Спирикин перевыполняет дневную норму впахивая в лопоты — два раза. На отставку от него Алексей Максимов, Иван Волошинков, Иван Лычагин и другие трактористы третьей бригады.

3

2

8 см 20 см

— Ой, смотрите, какой каменный верблюд торчит!

Действительно, посреди необозримой степи возвышалась одинокая каменная громада, напоминающая своими очертаниями упавшего молодого на приваловши, Дима Глазунов, тут же вызвался установить на ее вершине красный флаг, чтобы оповестить степь о начале большой работы.

И теперь командо утро, как только поднимется солнце, яркие лучи освещают красное полстопице флага, установленного на вершине скалы.

Партия и правительство проявляют большую заботу о добровольцах, изъявивших желание работать на целинных и залежных землях. В район освоения новых земель направлена мощная техника, совхозы получили стандартные домики, продукты, книги. Степь стала для приезжих судя людей родным домом.

В первые дни было трудно со снабжением тракторных бригад свежим хлебом. Но выход нашлся довольно быстро.

— Построим тут собственную пекарню, — сказал Иван Федорович Девяткин, бывший фронтовой пекарь, — и хлеб еще какой будет!

Подвели камень, сложили печь, соорудили навал Девяткин вместе со своей женой Евгенией Яковлевной замесила тесто, и вскоре на под были посажены первые караван. Хлеб удался на славу — ароматный, с хрустящей корочкой.

Хорошо налажено питание. Варя Черкасова никогда раньше не работала поварихой, но, приехав в степь, в дружную семью трактористов, охотно взялась за это новое для нее дело. Вначале она очень волновалась: шутка ли, в бригаде более тридцати человек, надо так приготовить обед, чтобы всем понравился! Теперь Варя вполне освоилась и часто заслуживает похвалы. Особенно хороша у нее получается уха. Славится в степи на полевых станках и Люда Ревина — повар третьей тракторной бригады.

После смены молодежь идет на берег реки, откуда вскоре доносятся задорные звуки гармошки и раздольная песня. Те, кто постарше, усаживаются почитать газеты, сыграть партию в шашки или шахматы. Члены редколлегии боевого листа трактористы Иван Болонников и Петр Черкасов увиделись, чтобы на досуге подготовить очередной номер. Немало зубастых заметок, корреспонденций накопилось у страничек боевого листа высказывают мысли о том, как увеличить производительность труда, обмениваются опытом, критикуют недостатки.

Над степью вечеревет. Слово золотые жуки, движутся на горизонте огни тракторов. Это ночная смена продолжает работу, начатую днем. Недалеко то время, когда здесь, на пустынных недавно землях, зашумят хлеба первого урожая.

В. САМЕТИН

На снимках и х: 1. Собрание-летучка первой тракторной бригады. 2. Каменный верблюд. 3. До самого горизонта простирается поднятая целина. 4. Новоселова И. Спирягина заправляет свою машину. 5. Первые палатки в степи. 6. Хлеб удался на славу! 7. Хорошо после работы умыться свежей водой! 8. Вкусную уху приготовил Варя Черкасова. 9. Трактористы И. Болонников и П. Черкасов готовят очередной номер боевого листа.

Фото автора.

НА ЗАДАЧЕ РАБОТАВШИМ

Владимир ТОЛСТОЙ

Н адого запоминать Александру Кобыякову тот день, когда они, рабочие Челябинского тракторного, провозглашали своих друзей и подруг в дальний путь — на освоение целинных земель.

В ту торжественную минуту, когда где-то в конце перрона пролегал паровозный свисток, друг и изобретатель Александра Володи Южиков, товарищ цеха шасси, сказал: — Ну вот и поехали. Прощай, Саша! Пыши почаще...

— Завидую я тебе, — тихо и немного грустно проговорил Александр, — большое дело будешь делать. Жаль, меня не отпустишь, да и неаппетитно было бы мне ехать с маленькой дочуркой...

— Вам тут тоже много работы будет, — сказала Володя Южикова. — Ведь сколько народу успеет! А кто нас заменит? Придется тебе, Саша, за нас за двоих работать!

На секунду у Александра перед глазами вдруг встало усталое, озлобленное лицо мастера цеха, каким он увидел его в красном уголке, где вручал комсомольские путевки участвовавшим на освоение целинных земель. Красный уголок был полон веселых, празднично одетых парней и девушек, произносились теплые, торжественные речи, а мастер стоял у двери мрачный, как туча, и уморительно похныкивал с помощником: «С кем план выполнять будем? Лучшие люди уходят из цеха!»

Еще раз на прощание Александр стиснул руку своего друга. Прощай и пошлая мимо зеленая стена вагона...

По дороге домой Александр думал над тем, что сказал ему друг. Действительно, придется работать? Вот он давно уже придумал одно интересное усовершенствование для своего станка, но он не успел проверить в действии. Может быть, теперь рассказать обо всем мастеру, попросить его помощи?

«Или чего складывается операция на нашем станке? — рассуждал про себя Александр. — Мы ласкаемся на стержень очередную деталь, обрабатываем, потом снимаем ее, распределяем. Пока в станке нет распределителя, станок зря простаивает... А что, если работать с двумя оправками? Пока деталь обрабатывается, я подготавливаю другую; распределяю обработанную и готовую следующую... Получается непрерывный рабочий цикл!»

На следующее утро в начале смены в цехе не оказалось заготовок деталей: полдела кузнецы и пресовщики. Станок Александра Кобыякова вынужденно простаивал.

«Работать за двоих! — думал он. — Да я, того и галди, своей-то нормы не выполняю... Сижку, жду у моря погоды...» Александр подошел к мастеру участка. Мастер, плотный, еще не старая человек, что-то записывал в блокнот.

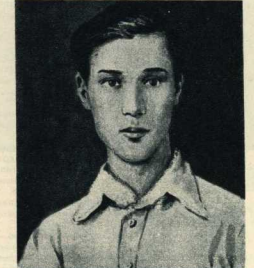
Мог ли знать Александр, что у мастера только что был неприятный разговор с начальником цеха, что он до этого успел поругаться по телефону с кузнечным цехом из-за задержки деталей и сейчас весь его внутренне кипит?

Когда Кобыков попросил разрешения сделать вторую оправку и в двух словах рассказал о своем предложении, мастер только отмахнулся: «Не до тебя тут сейчас: на участке простои, заготовки во вре-

мя не дают, а пави как хочешь выполняй». Подавая свое предложение, как положено, в БУИЗ, там разберутся!

Как раз в это время по железню желобу загремили пришедшие из кузнечного цеха заготовки деталей. Александра окликнули, и он так и не успев ни о чем договориться с мастером.

Весь день Саша работал с напряжением, стараясь не терять ни минуты. Ложким ударом о стальную плиту он зарепесывал деталь в оправку, привычным движением вставала ее в станок и одним поворотом шквала устанавливала допуск резца, а через минуту энергично выколачивал деталь из оправки...

Александр Кобыков.

Размышляя над своим усовершенствованием, Кобыков вдруг понял, что в размерном ритме работы что-то мешает ему. Он приглядывал и заметил, что темп теряется именно в тот момент, когда, обработав деталь двумя резцами, он крутит ручку, возвращая суппорт в исходное положение, и переключит к обработке детали третьим резцом.

«А нельзя ли, — подумал он, — расположить резцы так, чтобы деталь обрабатывалась сразу тремя резцами? Но как это сделать?»

Вначале Саша даже испугался своей дерзкой мысли: ведь технологично утверждать люди опытные, ученые — не чета ему, имеющему за плечами всего четыре класса школы да некоторый опыт работы на заводе.

Правда, еще работая токарем в мастерских зерносовхоза, он придумывал небольшие усовершенствования, и в голове его уже не впервые возникали разные технические идеи, но никогда ему еще не приходилось придумывать что-нибудь подобное.

«Надсет системы трех резцов нужно хорошо проверить на практике, — решил он. — Возможно будет сэкономить по крайней мере половину времени при обработке каждой детали: вместо одной минуты — 30 секунд!»

Дома, после работы, он долго размышлял, прикидывая на бумаге, как изменить конструкцию и расположение резцов. Наконец ему показало, что решение найдено: третий резец должен подходить к детали

как раз тогда, когда кончатся работать два предыдущих.

Но пока это была только приблизительная наметка; надо было все испытать на станке и прежде всего посоветоваться с технологом, с мастерами...

Если только выдалась свободная минута, Александр решил забежать в цеховой комитет комсомола.

Очень кстати, что секретарь комитета Иван Припутин — по специальности технолог и может практически помочь.

Припутин радостно встретил Александра, с двух слов он понял суть его предложения и от души поддержал комсомольца-новатора.

— Ты сам-то понимаешь, какое значение имеет твои рационализации? — с торжественной послужил секретарь комитета. — Ведь это же — начало нового патристического движения на заводе: мы повышаем производительность и тем самым без ущерба для производительности заменяем людей, уезжающих на целину!

— Раз так, — это я и думал, — заинтересованно улыбался, ответил Александр. После обеда Припутин сам принес Александру новую оправку и стал наблюдать, как тот работает. Он осознал, что станок тоже поддался товарищи: всем было интересно узнать, что это придумал Саша Кобыков.

Вначале дело не очень ладилось. От вращения Александр сутулелся, в его движении не было обычной уверенности. Иногда ему приходилось прерывать распределку готовой детали, чтобы ввести в работу третий резец. Однако, немного замешкавшись с деталью, которая никак не хотела сниматься со стержня, Александр «запрут» ту, которая отбивалась на станке. Однако с каждой минутой движения молодого рабочего становились все размереннее, постепенно рождался новый, правильный ритм работы.

— Ну, Кобыков, — выку, давай у тебя пойдут, — проговорил наконец Иван Припутин, стоявший у его станка. — Для меня теперь совершенно ясно, что установка резцов по твоей схеме просто необходима. В конце смены к станку Кобыкова подошел и мастер.

— Ну-ка, показывай, как ты тут работаешь.

Когда Кобыков сдал смену и уже собрался уйти, мастер положил ему на плечо руку и сказал:

— Молодец! Ловко придумал! Только боюсь, что у тебя теперь еще чаще простои будут: ведь заготовок больше плана не вымажут!

Александр решительно посмотрел в глаза мастеру и твердо сказал:

— А я хочу попробовать работать на двух станках: на своем и на станке чистовой обработки. Там как раз один человек нужен на контроль. Разрешите мне... Я уверен, что справлюсь...

Никогда жена Александра не видела своего мужа таким радостным, как в эти дни. Приходя с работы, он долго с подробностями рассказывал ей о своем методе, о новых производственных успехах. Норму он перевыполнил. Теперь уже более чем в два с половиной раза.

Секретарь партийного комитета завода сказал, что у Кобыкова государственное отношение к делу и что его нововведение даст не менее 35 тысяч рублей экономии за год.

У Александра появились последователи. В заводской многопартийке начата целая охота за ним.

Однажды вечером, когда дочка уснула, Александр решил написать письмо другу Володе Южикову.

«Как видишь, — писал он, — слово свое и сдержал, работая на двух станках; и за себя и за тебя. Этот ритм подхватили и другие работники цеха. Справимся с целью! Выполнить задание правительств и дать на поля страны новые тысячи мощных тракторов...»

На одной из дрейфующих льдин.

М. ВОДОПЬЯНОВ,
Герой Советского Союза

В ЦЕНТРЕ АРКТИКИ

Из записок летчика

...Туда, где магнитная стрелка перестает показывать на север, где звезды не восходят и не заходят, где шестимесячный день сменяется шестимесячной ночью — в таинственную страну ледяного безмолвия, с давних времен стремившиеся отважные исследователи. Великими районами, лежащими вокруг Северного полюса, были недоступаемы для человека. Многие смеельчаки попадались жизнью за полярки проникнуть в сердце Арктики. Труднейшая задача покорения высоких широт оказалась по плечу только советскому народу.

21 мая 1937 года советский тяжелый воздушный корабль опустился на льдину в районе Северного полюса и высадка отважную четверку зимовщиков, чей замечательный дрейф в центральной части Северного Ледовитого океана открыл новую эпоху в истории завоевания Арктики. Много лет прошло с тех пор, советские полярники разгадали за это время немало тайн полярных районов, да и сама Арктика стала «ближе» к Москве. Дело не только в возросшей скорости машины. Хотя Арктика по-прежнему не очень гостеприимно встречает воздушных путников (погода здесь меняется чуть ли не каждый час), летчики теперь водят самолеты в любую погоду, при любых метеорологических условиях.

В 1934 году, преодолевая циклоны и штормы, подруги отскакивая, переходила пургу, и почти месяц добирался до мыса Шмидта. С этого крайнего форпоста далекой Чукотки я совершил полет на льдину, на которой в туманной мгле ждал спасения человек. Нине же сюда и попал в десять раз быстрее.

Когда я впервые пошел на мыс Шмидта, здесь на голом каменистом берегу возвышались три мазеньких домика полярной станции, а чуть поодаль раскинулось небольшое чукотское селение, насчитывавшее четыре — пять яранг.

Теперь на мыс Шмидта выросла целая улица двухэтажных бревенчатых домов. Ни одной яранги в поселке нет: чукчи

переселились в новые дома. В каждом доме по четыре просторные квартиры со всеми возможными на Севере удобствами, в том числе электричеством. В арктическом поселке мыса Шмидта есть школа, баня, клуб, больница, магазин. В этом чужд ли не самом северном магазине нашей огромной страны я купил пачку московских папирос, шоколадные конфеты фабрики «Красный Октябрь» и снежные лимоны. Да, яржежелтые, без единого пятнышка, пахущие лимоны...

Мыс Шмидта — это маленький уголок Советской Арктики. Сейчас новые поселки, зимовки, метеорологические станции

выросли по всему северному побережью. Советские исследователи уже давно перешагнули береговую черту — они сделали огромный вклад в дело освоения величественного и грозного Ледовитого океана. За последние годы многочисленные экспедиции и научные станции на дрейфующих льдах провели комплексные исследования также в тех районах Центральной Арктики, которые прежде считались недоступными.

С карты Северного Ледовитого океана стерты «богие пятна», то есть неисследованные районы. В 1929 году общая площадь этих районов равнялась 4310 000 квадратных километров. В настоящее время в Арктике уже почти нет мест, которые не были бы осмотрены человеком.

Мне довелось быть участником нескольких экспедиций. В одной из них самолетами командовали известные полярники Арктики Иван Иванович Черевичный и Илья Спиридонович Котов. На борту самолета Черевичного находился и я в качестве заместителя начальника экспедиции.

Поднявшись с подмосковного аэродрома и взяв курс на север, мы вскоре достигли бухты Гиски. Быстро организованную основную базу на земле, мы полетели дальше, в район «полюса относительной недоступности», — так называют обширные пространства полярного бассейна, наиболее труднодоступные.

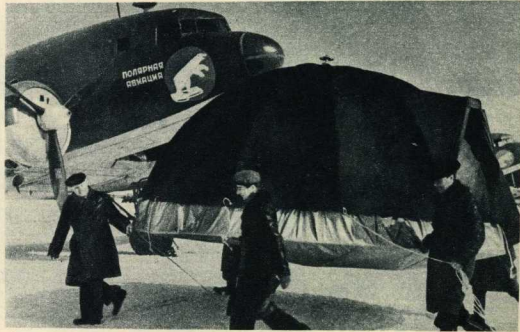
Под крылом самолета мы видели однообразную картину: сплошной лед, рассеянный разломами, хаотичностью нагромождения торосов. Наконец игруман Вадим Петрович Падалко доложил командиру корабля:

— Прибыли в намеченную точку!

И вот два самолета закружились в поисках подходящего ледяного аэродрома. Наши летчики довольно скоро, Черевичный первый пошел на посадку. Не знаю, как командир корабля, но я, откровенно говоря, волновался не меньше, чем во время полета на Северный полюс в 1937 году.

Посадку на глубокий снег, покрывавший большую и ровную льдину, произвели успешно. Следом за нами еса и Котов. И тотчас же на льдине закатела работа. Быстро вырос брезентовый ангар. Наши летчики новой конструкцией по внешнему виду напоминали яранги чукчей и имели такую же форму срезанного кончика сигары. Их остов из дюралюминиевых трубок можно было собрать в несколько минут. В таких палатках тепло и уютно. В них устанавливаются газовые двухконфорочные плиты, питающиеся газом из баллонов. Жить можно было с полным «арктическим комфортом».

Пищу мы готовили по очереди, имея

С помощью зипага самолета палатка была быстро собрана...

большой запас разнообразных концентратов. Кроме того, на Адыню регулярно доставлялись оленьи и свиные туши, замороженная рыба, а также сибирские продукты. В мешках с пельменями мы обычно находили записки с пожеланиями успехов. Это уже стало традицией. Как в годы Отечественной войны, когда молодые патриотки, собирая посылку на фронт, обязательно вкладывали в нее ласковое письмо, так теперь сибирячки присылают со своими превосходными пельменями посылки «Дорогим товарищам поларникам».

Цеповладеку от жилых палаток на Адыню были поставлены палатки для научной работы. Метеорологи, гидробиологи развернули свои походные «лаборатории». Матинголет построил из снежных кирпичей квадратные загоны — палатки, которые защищали от ветра точные приборы и людей.

Научные наблюдения на Адыне велись круглые сутки, каждый час записывались показания приборов, измерялись сила и давление ветра, температура и влажность воздуха.

Другой лагерь был организован в трехстах километрах от географического полюса. Здесь также велась интенсивная научная работа. Гидрологи измеряли глубины океана. Над Адынями были разбиты круглые палатки, в них беспрестанно горели примусы. Люди могли работать в одних бумажках или меховых рубашках, в то время как «на улице» мороз доходил до 30—35 градусов.

Измерение глубин проводилось при помощи механизированных лебедок с моторами. Измерялись также течения на разных глубинах, температура воды, соленость ее.

Самолеты экспедиции каждый день перелетали с одной Адыни на другую, организуя все новые и новые «эточки». Обычно первый самолет выбирал подполковнику Адыню. Летчик имел на борту бур, чтобы измерять толщину льда, аммониа, чтобы подготовить лунку для гидрологической работы. Второй самолет доставлял палатку, лебедку и научных работников. Уже через несколько минут после посадки самолета гидрологическая станция начинала работу.

Летчики и бортехники дружно помогали гидрологам и метеорологам разгрузить самолет, ставить палатки, устанавливать лебедку. Экипажи самолетов полярной авиации всегда работают в тесном контакте с научными работниками. Когда вся программа работ была выполнена, самолеты и люди покидали «эточку» и открывали новую.

...Сегодня его очередь готовить обед. Сварить концентраты на газовой плите не представляет большого труда.

Те палатки Северного Ледовитого океана, которые до сих пор на картах Центрального Полярного бассейна оставались «белыми пятнами», были нами исследованы.

Материалы, собранные нашими экспедициями, дали возможность составить достоверную карту глубин центральной части Северного Ледовитого океана. Советские поларники открыли и исследовали мощный подводный хребт высотой 2,5—3 километра, пересекающий Северный Ледовитый океан в направлении от Новосибирских островов к Гренландии, а также ряд других подводных дна, разделяющих океан на несколько глубоководных котловин. Вновь открытый подводный хребт назвали своим именем великого русского ученого, основателя арктической океанографии Михаила Васильевича Ломоносова.

Наблюдения наших ученых опровергли установившееся представление о крайней бедности жизни в Центральной Арктике. — Однажды я сидел в гидробиологической палатке на дрейфующей льдине, когда Яков Яковлевич Гаккель брал пробу воды. Мы увидели полноту с глубины небольшую тупохвостую рыбку величиной в 6—7 сантиметра. Она не отличалась красотой — по виду напоминала обычного пескаря. Это была самая большая рыба,

пойманная на 87-м градусе северной широты.

Еще в 1937 году, когда самолет «И-170» опустился на Северном полюсе, мы увидели в этом районе маленькую птичку — пулючку. Потом сюда прилетали чайки, захаживаясь белым медведем, призывали нерпы. За тысячу и более километров от берега встречались пещи, утки, морские зайцы.

Через несколько лет мы вновь совершили «прыжок» на Северный полюс. Первым спустился на Адыню самолет И. И. Чернышова. Выбранная им Адыня была длиной примерно в 700 метров, почти правильной овальной формы, окруженная старым торосистым льдом.

«Приземлившись» на полюсе, мы трижды покидали «этучу» в честь Коммунистической партии и Советского правительства и воздвигли красный флаг на самом высоком торосе.

Здесь, на Северном полюсе, мы чувствовали себя как дома. Я прилетаю сюда уже не в первый раз, так же как многие участники нашей экспедиции — кинооператор Троицкий, штурман Аккуратов, летчик Масуров, бортехники Шмидтин.

Самолет Чернышова вместе с руководством экспедиции вскоре улетел обратно, на базу. На Адыню остались самолеты Котова и Масанникова.

На полюсе были установлены палатки-лаборатории. И уже через два с половиной часа после посадки на лед началось измерение глубин и другие научные работы. Пробы морской воды подвергались химическому анализу, определялась температура на разных глубинах с точностью до одной сотой градуса, измерялись течения на разных горизонтах.

Гидролог Павел Афанасьевич Гордиенко, выйдя из палатки, вдруг обнаружил рядом трещину, резко промерзшую на белом льду. Эта невнятная на первый взгляд трещина являлась предвестницей грозных событий. Немедленно был объявлен аврал. Механики бросились к самолетам, чтобы затащить моторы, а это пеленгали задачи на морозе.

События развивались с огромной быстротой.

Трещина, которая проходила сначала через тонкий лед аврара, протянулась дальше, перерезав многоэтажное снежное поле, на котором стояли самолеты, и стала расширяться. Через трещину шириною уже около полутора метров с трудом начали «мосты» из фанеры, досок и Адыни. По этим «мостам» самолеты «своими головами» благополучно перебрались на новую Адыню. Там же переставили палатки и научное оборудование.

Все было сделано во-время. Красный

Виктор АФАНАСЬЕВ

СОЛДАТ ПОСЛЕДНЕГО ГОДА СЛУЖБЫ

Друзья, подходит время —
Я скоро к вам приду,
Товарищ по цеху
И братья по труду!

В своей шинели серой,
В юрзовых сапогах
Войду туда, где солнце
Сверкает на станках.

Я знаю, на заводе
Немало новичков.
Там строго старый мастер
Глядит из-под очков.

И, встав по стойке «смирно»,
Ему я доложу,
Что завтра на работу
С подьяем выхожу.

Я ястану раньше солнца,
Я ястану раньше птиц,
Как я встал недавно
На службе у границ.

* * *

Не раскис я, конечно,
И духом не пел.
Я смеялся с друзьями,
Трудился у плутов.
Только после отбоя
Я догн не спал
И кукарей твоих
Все вспоминал заветушки.
Вышла замуж... Ну что ж,
Это — дело твое,
И за это, конечно,
Тебя не осудить,

Но зачем ты нарушила
Слово свое!
Для чего говорила,
Что ждешь меня будешь?
Я об этом солдатам-друзьям
Не сказал.
Но не скрывать от них
Ничего никогда ты —
Все равно увидали они
По глазам,
Что неладное что-то
В душе у солдата.
А фригидор Санцов,
Балагур и остряк,
Что незло надо мною
Подтрунивал часто,
Мне серьезно сказал:
— Что же делать, земляк,

Напиши, что желешь им
Светлого счастья...
Он тотчас же пошел
И принес домино,
И сыпал он, как прежде,
Труну на мою...
А веселое солнце
Светило в окно,
И солдатская песня
Наслаждала стеною.
Лучше этой
Я песни не слышал нигде —
Заново песни
Родного полка
Сделал солдат
Не покинет в беде —
В нашей армии дружба крепка.

г. Вязь.

флаг, гордо развевавшийся на торося, стал медленно отъезжать в сторону, уходил и «аэродром» — единственная гонимая для владыки площадка... Вскоре поднялся сильный ветер, и начало так крошиться лед, что один из наших товарищей эту лужку образно назвал «молотьюбой». Старый лагерь дрейфовал мимо нового со скоростью более миль в час. Аэродром-разводья раскололась на множество кусков, которые то вставали дыбом во время сжатия, то расходились в разные стороны. С каждой минутой таяли шансы на возможность взлета.

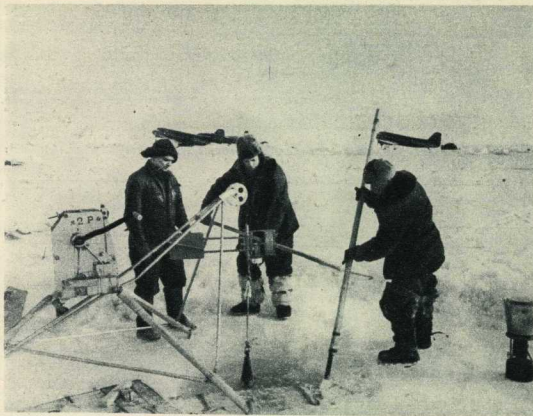
Радиостанция передала начальнику экспедиции сообщение о положении в лагере. Вскоре присланный самолет уже кружил над нами. С него сообщили, что ближе, чем в пятидесяти километрах, ровной аэродром нет. А разве возмужают проуны на снежном поле пятидесяти километров, аэродром между торосями и перепрыгивая через разводья?

«Только через двое суток стих ветер и утихнула видимость. Гордиенко, Котов и Масленников поехали на разводья. Картина, представлявшая им, была безрадостной. Крутом вздымались хаотические нагромождения торося высотой до десяти метров, нигде не было и намека на ровную площадку. Кажется, природа сделала так, что могла, чтобы помешать нам взлететь. После долгих поисков обнаружили, что небольшая аэродром — остаток нашего прежнего «аэродрома», — столкнувшись с другими аэродромами, образовала криволинейную полосу, длиной до трехсот метров. В местах стыка поднимались небольшие торося, аэродром была испещрена трещинами.

Решили превратить эту аэродром в площадку для взлета. Снова была объявлена всеобщая аэродром. Мы скапывали неровности, засыпая трещины снегом и битым льдом. Часов через двенадцать расчистку нового «аэродрома» закончили, но все же он был очень короток. Разве с такой площадки поднимешься?

Решили облегчить до предела самолеты, снять лишнее горючее, оставив его только на час полета.

Котлов первый вырвался на старт, дал полные газы, и после стремительного пробега, не доходя несколько метров до торося, самолет поднялся в воздух. С подобной площадкой, короткой и кривой, даже такому опытный летчик, как Котов, еще не приходилось взлетать. Но все прошло благополучно. Велел за первой машиной поднялся в воздух самолет Героя Совет-

Лунка готова, лебедка установлена. Можно делать первый замер глубины...

ского Союза Виталия Ивановича Масленникова.

Через полчаса летный отряд уже опустился на новую аэродром. Научная работа в сердце Арктики продолжалась...

Никогда еще не предпринималось такого широкого, планомерного изучения Арктики, подержанного передовой техникой, какое ведется теперь. Родина щедро снабжает советских исследователей высочайшим широт самым совершенным оборудованием.

Вместе с новой техникой в Советскую Арктику пришли и новые люди. Почти все наши исследователи, работающие сегодня в сердце Арктики, — специалисты с большим научным багажом. Они пришли сюда по зову сердца, уже будучи хорошо

подготовленными к борьбе с суровой природой, к ведению в условиях Крайнего Севера широкой творческой, исследовательской работы.

Среди нового поколения советских исследователей Арктики много совсем еще молодых научных работников, недавно покинувших стены вузов.

Труда и потота труда советских полярников — мужественных и настойчивых людей, преданных своей Родине.

Труд советского народа, вложенный в освоение Арктики, уже дает свои плоды. Северный Морской путь стал нормально действующей судоходной магистралью. Наш северный флот располагает мощными ледоколами, совершенной авиационной разведкой, базирующейся на разветвленной системе гидрометеорологических станций,

ведущих систематическое наблюдение за атмосферой.

Благодаря изысканиям наших гидрологов, участвующих в ледовой разведке, вождение судов во льдах стало безаварийным. Мгновала пора многих ошибок, которых в свое время капитаны кораблей просто не могли избежать. Так, если бы, например, «Челюскин» шел не вдоль ледового припая, приближаясь к берегу, а встал на двадцать миль севернее, он вышел бы по чистой воде в Берингово море.

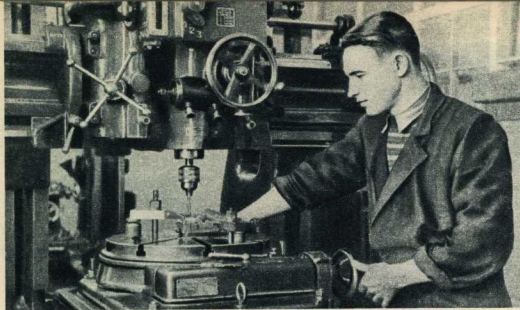
Теперь, изучив ледовый режим, наши гидрологи заранее говорят капитанам, куда и каким курсом плыть. Летчики находят разводья, каналы и проводят суда при самой тяжелой ледовой обстановке.

Наш Крайний Север стал большой дорогой между Европой и Дальним Востоком. Наши полярные моряки борются за удлинение арктической навигации с трех до пяти месяцев.

—Труд наших полярников — научных работников, зимовщиков, летчиков, моряков, освещающих просторы Арктики и Северный Морской путь, — часть труда всего советского народа, строящего коммунизм.

Магнитологи построили загородки из снежных кирпичей, чтобы защититься от студеного ветра.

Сложная работа у расточника Алексея Пыхтеннова. Он изготавливает шаблоны, по которым детали запускаются в серийное производство.

Фото А. Бычкова.

Иосиф ДИК

ВСЕГДА ВПЕРЕДИ

Видеешь на Венец — самую высокую точку Ульяновска — и дух захватывает от необыкновенного простора, открывающегося перед глазами. Заволжская равнина так широка, что, кажется, стоит взять бинокль, и увидишь Уральские горы.

По Волге, anzi по течению, плывут баржи. В реке отражается чистое небо. А справа от Венец, у самого берега, выдвигается трубопровод. День и ночь земснаряд вымывает двухколесную дамбу — защитный валом Ульяновского порта. Когда ступит на строй Кубышевская электростанция, волжская вода в этих местах поднимется на пятнадцать метров, возникнет настоящее море.

Строящиеся ныне в Ульяновском порт станут одним из самых крупных на Волге. Он будет иметь свою железнодорожную ветку, мощные портовые краны, ремонтные мастерские, пассажирский вокзал. Причальная стенка протянется почти на километр.

Велик объем работ. Крутые сутки шлюют на строительство десятки самосвалов. Взрываются в землю экскаваторы. Волы шпунтовых стенок опутительно режут да компрессора, и, влетая вверх, колотят по шпунту члупина «баба».

Закопщик Иван Логачев, чубастый паренек в замасленной телогрейке и кепочке, сдвинутый на затылок, свое дело знает хорошо. Быстрым и ловким, он старается не терять ни минуты. Но такой он здесь не один.

Экскаваторщик Дмитрий Черниоков, по общему признанию, ни в чем не уступает закопщику Логачеву. Месячную норму он выполняет тоже на двести процентов, его экскаватор никогда не простаивает.

С каждым днем нарастают темпы строительных работ: недалеко то время, когда порт вступит в эксплуатацию.

— Зимой нам несколько приходилось, — рассказывает Логачев. — Везь длина шпунта — восемнадцать метров. Его сразу не вобьешь. А тут морозы, как валло, нагрянули. Стало не хватать пара для копра. Что делать? Ну, решили перейти на скатный волаш. Так и работала беспеременно.

Много на строительстве таких молотов рабочих, как Логачев и Черниоков, отдающих любимому делу всю энергию.

• • •

Дикое, глухое берега небольшой речки Сивки на два дня были наполнены местными ребятами и рыбаками. За последние годы снайкерский ландшафт переменялся. На берегах река вырос балластроустроенный рабочий поселок. Там, где раньше был пустырь, раскинулись огромные цехи завода малолитражных двигателей и гоубые котельни — жилища рабочих.

Малолитражный двигатель — компактный, трехцилиндровый или шестисильный мотор — неиз-

менем в сельском хозяйстве. Он может кидать воду из глубоких колодезь; соединенный с дизелем, он дает ток для радиолазов и кинопередвижек. Да много ли еще для чего можно приспособить этот маленький, но могучий агрегат! Его сейчас только подают в колхозы!

Главный инженер завода Тихон Никитич Федосин, когда мы попросили его назвать фамилии лучших производственников, сказал: — Идите в цех к Клавье Агафоновой — это молодень девица!

К Клавье Агафоновой мы шли через все цехи. Вокруг стояли токарные станки, тошевская струйкой лилась над зажатые детали кофейного цвета эмульсия. Стучали строгальные, соскабливая с черных болванок серебристую стружку. В цехе, где мы остановились, было совсем тихо. По конвейеру от одного станка к другому двигалась блестящая, словно никелированная, автомобильный поршень. Машины его огливали, проверяли точность обработки, упаковывали. Человеческая рука почти не прикасалась к этой детали.

Назавтра Клавья Агафорова оказалась застенчивой девушкой с черными пинетельными глазами и румяным лицом. Тихим, спокойным голосом она рассказывала нам, какие в бригаде дружные девицы. Они собирают двухтонные домкраты и заняли первое место на Заводе.

— Она у нас с душой работает, — говорит подошедший молодой мастер. — Вообще у нас на заводе замечательная молодежь. Вот понакомьтесь хотя бы с расточником Пыхтенковым.

Алексей Пыхтенков опротно одет, вокруг него на рабочем столе и на координато-расточном станке безукоризненная чистота. Работа его очень сложная, творческая. Он изготавливает шаблоны, по которым детали запускаются уже в серийное производство.

Нужен богатый опыт, острый глаз и, главное, большая культура труда, чтобы изготавливать шаблоны с точностью до одного микрона. Все эти качества есть у молодого рабочего.

— Ресны наступить я решимку, — делится с нами Алексей своим планам, — а то застрял на первом классе. Перед женой даже неудобно. Она у меня студентка четвертого курса Педагогического института. Без больших, настоящих знаний далеко не уйдешь.

Алексей берет в руки измеритель, похолодиль на бокучу ФР, объясняет ни деталь и тут же откладывает ее в сторону. Работа выполнена точно.

И в заводских цехах так же, как на стройке, чувствуются творческий подъем, неустанные поиски нового, стремление к совершенству. Волжский город, как и вся страна, живет напряженной трудовой жизнью, и молодежь его на заводах, в порту, на строительстве жилых зданий — весело и всегда впереди.

Олеся ЮЩЕНКО

Киевский шелк

Для ранней весны и чисты и ясны, на шелк переносим цветные весны: Пусть будет поларче парад У наших девах.

Хотим этим шелком Отгизну одеть, Чужесей его не отыщешь нигде, Волнуется он и поет, Играет, цветет.

С ним звонкой весны злаяста пара Шлет людям привет от родного Днепра, Из Киева ласковый шелк Далеко пошел.

Рубашку из шелка уральский горняк Надевает под вечер, и скажет он так: — У нас самодельны — в горях, У нас — на шелках!

Тот шелк, что с Крешатика девушка тклет, Грузинской красавице очень пойдет. — Спасибо, Днепра сторона! — Промолвит она.

Шелка лютые в подарок мы шлем Всем братьям — в Литву, и в Баку, и на Дон, И к берегу Волги-реки...

Мы все земляки!

Мы радостью выткали шелк огневой, Как песня-веснянка, узор гоубой. Красивы шелка и легки — Для вас, земляки!

Авторизованный перевод с украинского Алексея СВЯТОГО.

Николай КАССИН

Кузнец Артем

Бы у меня надежный друг — Кузнец по имени Артем.

И весь, от фаруга до рук, Пропах он дымом и огнем.

Хоть парывалю тогда и был, Но вспомню до сих пор, Как мне кузнец тот смастерил

Пилу, лопату и топор.

Он показал мне, как пилить И в одиночку и вдвоем.

И как лопатой землю рыть, И как работать топором.

Когда же я чуть-чуть подрос, У горня помогала ему.

Так был решен большой вопрос В кузнечном лагте и думу.

Труд стал потребностью моей До самой старости потом...

Желаю, чтоб у всех детей Был в детстве

Свой кузнец Артем!

т. Киев.

Валентин СИДОРОВ

Далеко за морями твой город

Далеко за морями твой город. Вечность деау ты в нем не был.

Опустилась тяжесть горя На него испанское небо.

Город мой твоей родиной стал, Мы с тобой дружились стааи.

Наша дружба крепка, как сталь, Крепче стали.

Далеко за морями твой город. Но с тобой я навеки породнился.

И Выбало мы так же доро, Как Воронеж, где и родился.

Вызов на соревнования.

Е. САМОСОВ

МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТКАНИ

На одной из зеленых улиц Киева расположено старинное немысоное здание. Над дверью его висит дощечка с надписью: «Киевское училище прикладного искусства». Много искусных мастеров ежегодно дает стране это училище. На с ним киев — комсомольцы Илья Битер и Александр Слобин. Под руководством опытного преподавателя Т. М. Флер они изучают замечательное искусство создания украинской национальной ткани.

Фото Я. Халипа.

МИХАИЛ РАСИН В СМЯТЕНИИ...

Рисунок К. Анатольева.

Все уже было решено и оговорено заранее, и потому день этот для Расиных поначалу ничем не отличался от обычных дней. Ира, как всегда, деловито собралась на работу. Михаил — институт. Но в последнюю минуту, перед тем как выйти из дому, Михаил вдруг заколебался: ведь для всех студентов распределение — большое событие, праздник; не надо ли и ему что-нибудь покарднее?

— Ни в коем случае! — сказала Ира. — Еще подумаю, что ты согласишься ехать куда угодно.

В замечании супруги был резон. Она всегда отличалась здравым смыслом и с поразительной легкостью решала самые сложные жизненные вопросы. В прошлом году она тоже заканчивала медицинский институт. Когда комиссия по распределению предложила ей место врача в Свердловской области, Ира положила на стол справку.

Хотя до появления ребенка на свет было еще далеко, однако Ира знала, что надо говорить в таких случаях.

— Надеюсь, — сказала она, — вы не соблаговещаете разрушить нашу молодую счастливую семью?

— Разумеется, — заверили ее члены комиссии. — Через год, по окончании института, к вам придет и муж.

— Нет! — воскликнула Ира. — Дайте мне возможность поработать этот год в Астрахани.

Члены комиссии перенюхали. Но здесь, за молодых супругов торжественно вступился секретарь обкома комсомола Борис Малов.

— Товарищи, — сказал он. — Мы хорошо знаем Михаила Расина. Он отличник учебы, активист, достойный комсомолец. Неужели институт не может предоставить его же, неужели место лаборанта при одной из кафедр? А после они вместе уедут на село...

Прошел год. Снова поехали по Волге лыдины, в городском саду наделись почки деревьев, привлекли первые скворцы. Пара пернатых поселилась у дома, где в окружении бабушек и дедушек живут супруги Расины.

Михаила не радовало ни пение птиц, ни весеннее солнце.

— Что доброе, уйдешь на село, — думал он.

Но Ира во-время заметила душевное смятение супруга.

— Не горюй! — утешала она. — На Астрахани мы никогда не поедим. Во-первых, за тебя заступится обком комсомола. Малов, конечно, знает, что друг без друга мы жить не можем.

— Да ведь нас пошлет вместе!

— Мне ехать незачем. Я уже работаю здесь, при институте. Кроме того, из-за маленького ребенка я еще мобильна.

— Но ведь работу тебе предложить временно, пока я не получу диплома...

— Эх ты, шаяла! — обиделась жена. — А еще хочешь быть хирургом? За себя даже постыть не можешь.

Михаил, действительно, к концу учебы поучаствовал в себе задатки

выдающегося хирурга и считал, что при таких обстоятельствах просто грешно забираться куда-нибудь в глушь. Его место — в клиниках Астрахани!

...И вот Михаил Расин в институте. Привычной походкой поднимается он по лестнице.

У званых дверей аудитории, где заседала комиссия, топилась одноклассник.

— Сейчас вызовут! — шепотом сообщил ему Михаилу. — Ну, тебе как отличнику — первая очередь.

Михаил покачал плечами и, придрав лицо суровость, бодро перешагнул через порог. За диванным столом, покрякивая заливной скантерью, сидело несколько человек. Михаил увидел среди членов комиссии директора института, представителя Министерства здравоохранения, секретаря обкома комсомола.

— Что же это вы без супруга? — поинтересовался директор.

— Она работает.

— Так вот, товарищ Расин. Предлагаем вам с женою на выбор: Свердловскому, Челябинскому,

Кемеровскому, Иркутскому, Якутскому и Казанскому.

На стене висела карта. Представитель Министерства здравоохранения, должно быть, много поедания на своем веку человек, легко ориентировался в красных линиях железных дорог, показав путь в каждом из названных пунктов:

— Любите горы — поезжайте на Урал; степи нравятся — пожайлосте, Казанский! А если вы предпочтаете озеро и леса, выбирайте Челябинскую область...

Везде встретят с почетом.

Расин вежливо выслушал предложение, даже взглянул на карту, но лицо его осталось попрежнему непроницаемым.

— Не подходит!

— А что бы вы хотели?

— Астрахань. Для человека семейного можно сделать исключение.

— Позвольте, позвольте! — забеспокоился директор. — Поедете вы оба. Что же мешает вашему счастью?

— Сами себе они мешают, — не выдержал секретарь обкома.

— Я хирург! — пытался выйти из положения Расин. — У меня талант к хирургии, а вы меня хотите запереть в деревне.

— Вам оказывают честь! — ска-

зал представитель министерства. — Ир, если вы так настаиваете, пошлите вас, в виде исключения, в Нижний Баскучук. Это недалеко от Астрахани.

— А кем будет работать моя жена?

— Пока терапевтом.

— Она согласится поехать только психикатром...

Секретарь обкома удивленно рассматривал Михаила. Почти каждый год Малов состоял в комиссиях по распределению специалистов, каждый год были среди выпускников молодежь, но никто не вел себя так, как супруги Расина. Нет, не за семейное счастье опасался Михаил. Он боялся трудностей, ему не хотелось расстаться с уютной обстановкой, привыкать к новым условиям. Не право быть хирургом отставил Расин, он записал свое меньшее благополучие.

— Человек считался хорошим комсомольцем, — провозгласил секретарь обкома, — активистом. Товарищи ему верили!

Расин, упустив голову, пошел к выходу. Видимо, ему было неловко смотреть в глаза людям. В коридоре Михаил очутился в тесной толпе одноклассников. Они молча посторонились.

— Вечером приедем на комитет! — крикнул вслед комсорг Мочальев.

Иа комсомол Расин исключили. Но прежде чем принять это суровое решение, комсомольцы долго добивались у Михаила Расина признания его ошибки. Он стоял на своем.

Прошел день, второй. Не стоить уж велика Астрахань, чтобы о случае в медицинском институте вскоре не узнал весь город. Студенты передавали эту историю друзьям из других вузов. Студенты кафедр, где Ира была лаборанткой; открыто осуждали поведение Расиных.

Ира чувствовала, что работать здесь дальше она не сможет. Да и Михаил приходил домой расстроенным. Товарищи стали относиться к нему с холоком. Они разделились на разных городов, обменялись адресами. И хотя еще никто не побывал на новом месте, все приглашали друг друга к себе в гости.

В душе Расиных терпел смущения много разговоров. Супруги обговаривались, как лучше им сдать свои позиции.

— Понимаешь, — наставительно говорила Ира, — все комсомолы остаются немыми. Как же о тебе подумает общественность? Это поведет твоей карьере хирурга.

— Да, — оскороплено выдыхал Михаил, — ошиблись мы с тобой.

— Ну, ничего, — как всегда, Ира была сообразительнее своего супруга. — Обратись к директору. Надо обязательно восстановиться в комсомоле...

Но другой день Михаил покорно шел во направлении к институту. По дороге он твердил наизусть слова, подказанные ему Ирой, — о долге, о том, что своим ягноу думала и теперь согласна ехать куда угодно...

Я. МАРГУНОВ

ЧАСТНОЕ ЛИ ЭТО ДЕЛО?

В одном из домов Вышнево Волочка готовились к рождению ребенка. Еще до появления на свет младенца окружили вниманием. Было выбрано немало хороших имен, решена столь важная проблема, как پوشка пеленок, куплена вапючка. Все это запомнили будущим так счастьем. И лишь одна мысль ни на минуту не оставала ее, горькой обидой дожилась на сердце—мысль об отце ребенка.

Валя часто плакала, но подруги успокаивали ее: — Да не думай ты о нем. Забудь! Разве он достоин вымываться отцом?

Это понимала и сама Валя, хотя всякий раз, вспоминая все, что произошло между ней и Алексеем, не могла удержаться от слез.

...Прошлой зимой комсомолец Алексей Крутой пригласил к себе приятель. Когда все расселись за празднично накрытым столом, Алексей поднялся и торжественно произнес:

— Я пригласил вас, дорогие, для того, чтобы сделать важное сообщение. Отныне Валя не только моя подчиненная по работе. Одновременно она является моим другим житием. Я люблю Валю за доброту, скромность, сердечную теплоту.

Последние слова Алексея потонули в возгласах: «Горько!»

С того дня часто можно было видеть Валю и Алексея вместе в клубе, то в городском саду, то в театре. И всякий раз встреча с знакомыми Алексеем говорил: «Прощу знакомиться—моей женой».

— Надо нам расписывать, Алеша,—напоминала кив-то Валя.

— Неужели ты мне не веришь?—удивился Алексей.—Это ведь формальность, бумажка.

Больше к этому вопросу молодые не возвращались.

Но когда Валя сказала мужу, что скоро будет матерью, Алексей вдруг вскричал:

— Ни о каком ребенке знать не хочешь! Да вообще жениться на тебе я отказываюсь.

Жестокость и грубость Алексея поразили Валю. «Что это за чело-

век?—думала она.—Что у него на сердце, в мыслях? Может быть, он шутит? Неужели все, что было сказано ей раньше теплым и, кажется, искренним, было лишь страшной ложью?»

А спустя немного времени Алексей Крутой снова пригласил к себе приятель. Вместо Вали за столом сидела другая девушка, такая же счастливая, как когда-то Валя. Алексей поднял бокал, отхлебывая, поправил галстук и, убедившись, что его приготовилось слушать, сказал:

— О моей прежней женижке прошу забыть. Я влюблен в замечательную девушку, которая сейчас присутствует здесь. Отныне она не только моя подчиненная по работе. Одновременно она является моим другим житием. Я люблю ее за доброту, скромность, сердечную теплоту...

Те же гости, что и в прошлый раз, снова шумно выражали свое одобрение. К сожалению, среди них не нашлось ни одного человека, который возмущился бы поведением Алексея, осудил его аморальный поступок. Ведь окружал Алексея только такие обстановка, а люди, которые постоянно встречались с ним в цехе, на комсомольских собраниях, в полклубе.

Откуда у них такая беспечность,

такое равнодушие? Не о судьбе Вали идет речь. У нее нашлись друзья, которые ей помогут. Но почему эти люди так безразлично отнеслись к тому, что творил Алексей? Почему им не было важно то, что их товарищ совершил грязный, аморальный поступок?

Все эти вопросы возникли вновь, когда нам пришлось беседовать с Юрием Степановичем, секретарем комитета комсомола Вышневоолоцкого хлопчатобумажного комбината.

— Вы спрашиваете об Алексее Крутове?—Степанович вынул из шкафа папку и, развязывая тесемочки, начала монотонным голосом:—Крутой работает помощником мастера второго прядильного цеха фабрики имени Кагановича.— Он один из лучших слушателей кружка по изучению истории партии, грамотный комсомолец, активный общественник, примерный аравозластивник.

Немного помолчал, Степанович продолжал:

— Что же касается распространяемого в последнее время слуха о его неэтичном поведении, то мне удалось установить, что слух этот не подтвердился.

Заметив наше удивление, Степанович добавил и раздельно сказала:

— Я лично вызвала Крутова и имела с ним продолжительную беседу.

— А с Валией вы разговаривали? Оказалось, что такой беседе не было, но она давно запальнирована и все отключившаяся из-за отсутствия времени.

— Если вам кажется, что мы должны были обсудить поведение Крутова на комитете, то не сделали это потому, что его долго занимался горком. Он должен был дать указания,—успешно добывая Степановича.

Так мы оказались в горкоме. Секретарь горкома Валентина Петрова говорила и доказывала био Калнинского обкома ВЛКСМ. Выехав аппарат горкома был занят сбором цифр, фактов, сведений. Петрова не могла скрыть своего удивления, когда узнала, что нас интересует лишь частный вопрос. Она пожелала, что мы не сумели найти более важной и масштабной проблемы на таком крупном предприятии, как Вышневоолоцкий хлопчатобумажный комбинат, и пригласила нас всех рассказать все, что знала о Крутове.

Комсомольская организация комбината не сумела разглядеть себя, морально нечестного молодого человека. Это же верно,—соглашалась Петрова.—Но ведь нам, руководящим работникам, приходится заниматься более серь-

езными вопросами, чем разбор персональных дел.

Петрова гнула в око, на двор, выходящий сзади, выдохнула и сжав губы, продолжила:

— Вызвала я Крутова. Он со мной был более открытым, чем со Степановичем. Честно признался, что ребенок его во жене и женой будущей будет Разабид. Что тут подделаешь? Насильно мне не будешь. Я решила: пусть Крутова «попращает» прокурор. Это произведет большее впечатление, чем наши беседы.

Отправилась мы в прокуратуру города Вышнево Волочка Геннадия Ивановичу Белкову. Он сразу вспомнил и Крутова и несколько странную просьбу секретаря горкома комсомола («попращать»), которую решила все-таки выполнить, хотя и увидел в ней нежелание комсомольских руководителей заниматься своим насущным делом—воспитательной работой.

Крутов пришел в прокуратуру запросто, без тени тревоги. Он бойко отвечал на вопросы, пытался шутить. Когда же прокурор спросил его о взаимоотношениях с Валией, Крутов не скрывал своего раздражения и ответил, что Валия—одна из его многочисленных знакомых, с которой у него не было, нет и не может быть ничего общего. Ни о каком ребенке он и знает и сказать не хочет. Впрочем, если прокурор предтывает ему официальное обвинение, он готов нести ответственность. Но ему известно, что уличение, как таковое, закон не предусматривает.

Что касается разговора в горкоме, где он признал себя отцом ребенка, то здесь, перед лицом правосудия, он считает нужным заявить, что разговор этот не состоялся.

— Много я встречал различных людей за свою практику, но подобных субъектов было мало,—рассказывал прокурор.

Он говорил гордо, взволнованно.

— Это может показаться странным, но именно у нас, в прокуратуре, имеется немало доказательств того, что комитет комсомола хлопчатобумажного комбината и горком не виноваты по-настоящему в жизни молодежи, не знают ее нужд, радостей, горестей...

За прошлый год на комбинате зарегистрированы сотни случаев нарушения трудовой дисциплины, совершенных главным образом молодыми работниками. Но эти факты не нашли должного отражения ни в отчетах, ни в протоколах комитета комсомола и горкома. Дни вышнееолоцкого комсомольских руководителей проглы, как и аморальные поступки, остались «частными делами».

Не перевелась еще, как видно, в комсомольских органах ретуга за выполнение производственного плана, по благоданию относится к нарушениям трудовой дисциплины. Они не прочь выступить в собрании в защиту своего брака и то же время скрывают наглядно смотрят на неэтичное, порою возмутительное поведение молодого человека и начинают бить тревогу только тогда, когда этот человек совершил какой-нибудь поступок, который приведет его на склямо подсудным. Они надеются на прокурора и судью и забывают, что есть другой суд—суд общественности. Такого рода «защита» благотворную почву для безмолвного существования проходимцев типа Крутова, который попрехнему ходит в «активистах».

Рисунок Е. Щеглова.

В РОДНОМ КРАЮ

Когда, как зов любви неутоленной,
Крик журавлей в высь звучит весь день,
Сними со стенки плащ свой
запыленный
И сапоги дорожные надень.

Свой тесный кров покинув до рассвета,
Иди туда, взволнован и суров,
Где громылет тракторами лето
И сладок сердцу горький дым костров.

Там ждуть тебя родных степей
просторы,
Необозримые, куда ни глянь.
Там, не ища покоя в эту пору,
Механиком или трактористом стань!

Пересекая степи неустанно,
С товарищами песни запевай,
Перед костром у полевого стана
Усталый безмятежно засыпай.

Так год пройдет, и нашим попеченьем
В полях нальется и созреет рожь,
И где-нибудь на празднике осеннем
Ты встретишь ту, кого во сне зовешь!

Дождь затих, но долго в сумерках
капают
С придорожных ветев дождики, звеня.
В жите за дорогой девушка запела,
Ты одна молчала: ты ждала меня.

Мы вдвоем бродили в поле до рассвета,
Робко назначали время новых встреч.
Белые зарницы колыхало лето,
Их ловить хотелось, чтоб всю
жизнь, беречь.

Чтоб навек запомнить ночь
перед разлукой,
Легкий звон капель в теплой тишине.

А сегодня в поле, сколько ни аужай,
Ты не отзовешься, не ответишь мне.

Я не знаю, где ты: близко или далеко?
Мир широк... Кто скажет,
свидимся ли опять.
Иль, быть может, только в неснях
наши встречи
В радости и в горе будем вспоминать.

У меня в Смоленске, в Западнестве,
Девушка хорошая живет.
Синие глаза, а брови — брови,
Словно крылья ласточки, вразлет.

Все мне мило, все мне по душе в ней,
Улыбнется — на сердце весна.
Говорят, на фабрике на швейной
Мастерица первая она.

Поглядишь, к лицу ей все наряды,
Хоть она и ходит не в пиджаках.
Все ребята из моей бригады
Про нее поют на вечерах.

И хотя ни словом и ни взглядом
До сих пор ей не открылся я,
Счастливи тем, что ходит где-то рядом
Радость синеглазая моя!

И, назвав мечту моей сестрою
Ты, что мне нужней живой воды,
Б чести моей любви я зданья строю,
Разбивая парки и сады.

Верю я: куда она ни глянет,
Поутру иль на исходе дня
Мастеров-строителей вспомнит,
Вместе с ними вспомнит и меня!

У меня в Смоленске, в Западнестве,
Девушка хорошая живет.
Синие глаза, а брови — брови,
Словно крылья ласточки, вразлет.

Пусть говорят, что яблоневым цветом
Под майским небом юность опадет.
Где пустоцветов не было, там летом
Нальется солнцем и созреет плод.

И, глядя, как висит он горделиво,
Мы скажем: все прекрасно в своей
черед —
Пора цветенья, и пора налива,
И мужественной зрелости приход.

Что ж! Нам не зря в краю родном
Дана забота золотая:
Друг перед другом день за днем
Растит, себя перерастая.

Иля с друзьями по судьбе,
Мы не хотим остаться сзади
И ищем лучшего в себе
Не похвалой пустячной рады.

За каждый вздох, за каждый шаг
Спешим отдать отчет Отчизне,
Что создано в своих мечтах,
Мы возлюбить стремимся в жизни.

И каждый, веря в свою идею,
Сказать сегодня может всюду:
Каким вчера я быть хотел,
Я завтра должен быть и буду.

Во имя человеческого счастья
Мы утверждаем в мире мирный труд:
Заводы строим, ищем жилы руд,
Растим хлеба, что золотом лутается.

И видит все тот подвиг всенародный,
На нем лежит бессмертная печать.
Того, что мы возлюбим, не взорвать
Ни бомбой атомной, ни бомбой
водородной.

г. Смоленск.

„ДЕНЬ ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ“

...Ихли бесосененного пушистого хлопца. В «белом золоте» — благородный труд колхозников Узбекистана, Кавказстана, Таджикистана, Туркмении.

— Вот посмотрите! — говорит сопровождающая шальниковой техникой комбината Зинаида Рокочева. — Это хлопок до обработки, а это — после... Есть разница! (Фото 5)

Фотоочерки Л. Вильдта, А. Моклецова и Г. Борисова.

Каждый год весной, когда объявляется «День открытых дверей», десятитысячные заполняют коридоры, кабинеты и аудитории вузов. Здесь они узнают, что обещает им студенческая жизнь и избранная ими будущая профессия...

Но сегодня «День открытых дверей» проводится не в университете, не в институте, а на фабрике, на знаменитом комбинате Трехгорная мануфактура.

— Это что такое! — с удивлением говорят выпускники и выпускницы московских школ № 97, № 98 и № 81, получившие приглашения на комбинат.

Правда, некоторым из ребят казалось, что им, имеющим среднее образование, трудно будет найти что-либо интересного для себя на фабрике. Другие возмущались. Завершал спор на волнующую тему: кем быть?

Кем быть? Один этот вопрос решают легко и просто, другие долго ищут ответа на него.

Чаще всего, закрывая прочитанную книгу, молодой человек ищет себя на полке морали, уходящего в дальние плаванья, за штурвалом самолета или представляет себя разведчиком-геологом, бредущим сквозь тайгу с рюкзаком за спиной.

Многие девушки, побывав на спектаклях, уходят из театра с сороковой мечтой: посетить свою иную искусство. Другие хотят стать адюльтерами, художниками, строителями новых городов, писателями...

И порой людям кажется, что только в этих профессиях можно найти подлинную романтику исканий и борьбы, возможности для непринятого творческого труда.

Юношеское воображение поначалу не замечает, что романтика есть и среди простых и на первый взгляд невзрачных профессий, таких как столяр и ткачиха, токарь и комбайнер, металлург и маляр, тракторист и шахтер, машинист и бетонщик. А ведь чаще это курные, важные и почетные специальности. И в каждой из них есть свои неизведанные материи, обширные поля для творческих дерзаний, для поисков, для приложения молодых сил и наполнения их школой знаний!

Широко раскрывшись перед гостями двери дванды «открытого» текстильного комбината Трехгор-

ная мануфактура имени Ф. Э. Дзержинского.

«Трехгорная» — так ласково зовут это крупнейшее текстильное предприятие страны, овеянное революционной и трудовой славой.

Огромные холсты фабрики и мастерских комбината встречают школьников мерцающим тысячью вариантов, ровным строением ткацких станков, гулом печатных машин.

Первое знакомство с комбинатом состоялось у фрезерного станка. Что же удивительного? Комбинат — огромный хозяйский. Здесь совершается чудесное превращение белого волокна хлопка в яркую, цветистую ткань. Кроме предельной, ткацкой и отделочной фабрик, здесь имеются и ремонтные мастерские, и кузница, и даже своя железная дорога.

Да, разница есть, и большая! Сложные машины превращают хлопок в благородное, почти невесомое волокно. Затем оно превращается в пряжу, а пряжа становится тканью...

Сила «искусствовед» Зинаида Рокочева — студентка третьего курса Всесоюзного заочного текстильного института. Она с гордостью рассказывает о своих подругах —

— По этим таблицам, — охотно объясняет Рая, — мы определяем выработку моталыщца. Видите, и здесь нужно математика.

— А какое у вас образование! — спрашивают у Рая одна из девушек.

— Так же, как и вы, десятый класс ионично, — отвечает она. — Что бы быстро и точно производить расчеты, нужно постоянно учиться.

Ткацкая фабрика... Тонкая пряжа на прине здесь превращается в прочную, качественную ткань. За штурвалом трудно расслабиться собеседница. Школьницами Ирина Дорогунцева и Светлана Бонова с помощью жести стараются объяснить с молодой ткачихой Галей Кривоной. А Гале хочется рассказать девушкам, что она пока еще ученица и работает всего три месяца, но уже успела горячо полюбить свою профессию.

«Одиннадцать лет назад вот так же, как Гали Кривоной, впервые пришла на комбинат Мария Белавенцева. В своей первой экскурсии по фабрике она несколько дольше задержалась в ткацком цехе.

— Буду ткачихой, — твердо решила девушка.

Работая затем на отделочной фабрике, Мария поступила учиться в текстильный техникум комбината на химическое отделение и через несколько лет окончила его. В прошлом году вся страна узнала имена новаторов «Трехгорной», выступивших инициаторами за всемерное сокращение производственных потерь. В числе других было и имя Марии Белавенцевой. Наблюдательная девушка подметила одну из причин потерь тканей и досудит и предложила ставить клеймо не дальше десяти сантиметром от шва. Казалось бы, простое дело, а эти и другие «мелочи» дали бригаде Бе-

лавенцевой ежемесячно до 4—4,5 тысячи рубль экономии.

Советские люди должны одеваться красиво, модно! Не будет преувеличением сказать, что миллионы людей нашей страны носят платья из тканей, изготовленных на «Трехгорье». До 750 тысяч метров самых различных тканей выпускает комбинат в течение суток! Чтобы отгрузить всю продукцию, необходимо состав из десяти товарных вагонов.

Поиста гордость художников комбината, когда они видят в праздничный день на платках прохорожих свои рисунки, рубашки из тканей своей расцветки. И разве не заинтересует эта работа молодого человека, мечтающего стать художником!

Безупречный художественный вкус и высокое мастерство — необ-

ходимые качества гравера, воплощающего замысел художника на металле.

Старший гравер комбината Борис Иванов Горушкин держит в руках эскиз художника и новому рисунку ткани. Каким из четырех способов перенести его на медный вал?

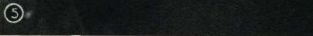
Борис Иванов выбирает самый удобный способ. Особенность этого способа заключается в том, что рисунок сначала наносится на вальцовый стальной валик. Здесь трудятся самые опытные граверы. Их работа схожа с тонким трудом ювелира и производится с помощью лупы. Затем с этого вальцового валика делается оттиск на большой медный вал.

Школьники Виктора Моисеева и Шуру Алексеева прилеп более крупный рисунок для шитального полотна (фото 4). Это работа художника Риттера: по черному полю — большие серые листья, обрамленные яркими венчиками. Комсомолка Тоня Мазетова наносит рисунок прямо на большой вал.

— Нравится вам? — спрашивает она у ребят.

— Да, очень. А много у вас новых рисунков?

— Много. В этом году наш комбинат должен выпустить около двухсот новых расцветок.

«Готовая ткань попадает в светлый, просторный цех (фото 2). Здесь она складывается в кучки, поэтому и цех носит название «складального». Отсюда отправляются на торговые базы плотные «штучки» батиста, ситалея, ситца, сатина, диагонали, фланели с марной «Трехгорья».

Человека, впервые попавшего на комбинат, привлекает множество объявлений: сегодня экскурсия, занятия спортивных секций, выезд в пионерский лагерь. Здесь есть где отдохнуть, провести свободное время. И услуги рабочих клубов, театр на 1100 мест, стадион.

Сотни рабочих и работниц комбината ежегодно отдыхают в санаториях и домах отдыха, в своем ночном профилактории. Здесь трое ребят, шесть детских садов, детский санаторий в Елпатории.

После экскурсии Ира Дорогунцова, Гали Воробьева, Лиды Казарина, Валы Мишина и Талия Воробьева еще долго беседовали с секретарем комсомольской организации комбината Дусей Беспаловой (фото 6).

Много интересного о замечательном труде текстильщиц «Трехгорья», об их профессиях, об их яркой, радостной жизни узнали в этот день москвичские школьники. И будут жить, некоторых из них мы встретим в будущем в шумных цехах «Трехгорья» — на этот раз уже не экскурсантами.

ИЗ ЧЕШСКИХ И СЛОВАЦКИХ РАССКАЗОВ

Рисунки Г. Храпака.

1. ВОДА И ОГОНЬ

Старинный серый дом с толстенными стенами стоит на перекрестке двух узких и кривых улочек старой Праги. Мощный покос его сложен из грубо отесанных камней. В покосе устроены небольшие проемы, словно бойницы в крепостной стене. Так и чудится: вот-вот покажется из подвала средневековая аркебуза...

Этот дом некогда осаждали иноземцы. Впрочем, и сегодня он окружен врагами — старый серый дом в этот весенний день 1942 года снова стал крепостью. Он облеплен на осадном положении с самого раннего утра. Пули свистят вдоль и поперек замощенного камнем дворика. Жильцы дома жмутся в тесных комнатах и коридорах. Им строжайше запрещено выходить на улицу...

Дверь, ведущая в подвал, завалена изнутри. К ней не подступиться: стреляют из проемов, но не аркебузы, а современные многозарядные автоматы. На эти выстрелы солдаты, пытающиеся захватить подвал, отвечают пулеметным огнем...

Осадное положение! Настоящая война в, казалось бы, мирном городе!

Во втором этаже дома находится штаб. Операцией руководит полковник. Он разговаривает с командантом города по телефону — сообщает обстановку, затем выслушивает донесения с нижнего этажа и снова звонит по телефону. Полковник высок, сухощав, подтянут. Он при всех орденях, точно на параде.

— Господин генерал, — говорит он в трубку. — Все выходы со двора забаррикадированы. Окна заставлены мешками с песком. С нашей стороны потерь нет. Противник оказывает упорное сопротивление. Полковник внимательно слушает генерала, чертя узоры на бумаге, а потом продолжает:

— Численность врага?.. Судя по огню, господин генерал, засело не меньше де-

сять человек. У них запас патронов и, пожалуй, автоматов. Все подозрительные жильцы арестованы.

Полковник озирается: ему нехорошо перед подчиненными, ибо генерал выходит из себя и телефонная трубка трещит на всю комнату.

— Позор! — слышится в аппарате. — Десять бунтовщиков в мышеловке, а вы возитесь с ними с самого рассвета. Огонь из всех пулеметов и автоматов! Непрерывный огонь!

— Саушаев!

Полковник резко поднимается со стула, готовый броситься на своих офицеров, но слерживается. Он неловко припоми-

няет операции в Голландии и на острове Крите: эти офицеры делами с ним опаснее, там они были бесстрашными. Что же стало теперь с ними?..

— Мы позорим германскую армию, — шипит полковник, стиснув зубы. Его бесцветные глаза устремлены в пространство, лицо делается каменным. — Десяток чешских бунтовщиков приковав к себе целый батальон. Стыдно! — Он торопливо надевает портянки. — Идемте... Огонь, непрерывный огонь!

Через несколько минут со всех трех этажей, из всех окон начинается неистовая пальба по двум черным квадратикам на сером покосе.

Прилагившие ушам наполняются зловещим эхом. Пржекие многозначительно переглаживают между собой. Они понимают: там, в Старом городе, происходит что-то очень серьезное. Но что именно?.. В городе появились танки гитлеровское командование усиливает охрану. В Градчанах, резиденция имперского наместника в Чехии, мчатся бронемашини. Наместника, как видно, основательно алкохордит... А возле осажденного здания все идет своим чередом.

Под прикрытием огня несколько гитлеровских солдат ползут на животе к проемам. Они намереваются забросать гранатами осажденных.

Вздут солдаты замригают, и только один из них медленно дигается вперед. Ему удается бросить гранату в проем, но обратного пути уже нет: он неподвижно лежит на земле.

Подвал огрызается еще ожесточенней. Полковник поднимается к себе наверх. Звонит телефон, но полковник не подходит, морщится, как от чего-то очень кислого. Он кивает майору.

— Скажите, что я вижу, на наблюдательном пункте, — и указывает пальцем на телефонный аппарат.

— Разрешите доложить?—говорит майор в трубку. Он низкий и жирный, обтянут ремнями, словно гостая колбаса плотным шаром. — Нашли потери одна убит, двое ранено... Заставит замолчать не удалось... Так точно, отстреливаются...

Майор кадет грубо и огромным плаком вытирает лицо, асонищается от пота. — Вы помните,— говорит полковник,— как мы давали приказники в Ротендроме? — Офицеры коротко кивают: дескать, помнят.

— Не объясните ли мне, господа офицеры, что случилось теперь?.. Какой-нибудь десяток чехов держит оборону против батальона наших войск? Представляю, что скажет о нас фюрер!— Поковник резким движением отодвигает от себя полевой телефон.

Все молчат. Не молчат лишь автоматы в полевых да пулеметы в коридорах.

— Разрешите сказать? — Это капитан Рейнгоф. Поковник глядит на него пристально, точно вспоминая, кто он. Капитан, по мнению полковника, смекалка, но большой трус. Кажется, он одичал еще в одном из лагерей для военнопленных французов...

— У вас появилась какая-нибудь идея, капитан?

— Так точно!

— Слышу вас.

Рейнгоф поднимает тонкие, сухие губы, сводит рыжие брови и берет в руки карандаш.

— Их надо взять живьем?

— Весьма желательно. По нашим данным, это части подпольного центра. Они могли бы снабдить нас важными сведениями.

Рейнгоф выводит на бумаге цифру пять. — Мы ведем огонь пять часов подряд,— говорит он.

Поковник глядит на часы.

— Вы правы. Но это известно любому фельдфебелю.

— Я хочу сказать, господа полковник, что огонь мало действенен.

— Также верно.

— Придется положить взвод, а может быть и два, чтобы взять этих подмошек.

— Вы с ума сошли, капитан! Два взвода?! — Поэтому предлагаю вызвать две, три, четыре, в общем, нужное количество машин... пожарных машин. Со стороны фасада мы пробьем дыры и зальем подвал водой. Против воды автоматы бессильны.

Поковник задумается.

— Вы полагаете, что потом их можно будет привести в чувство?

— Почему бы и нет? Углекислота ожигает мигнут через листву— двалит после того, как он основательно окутался в воду.

Поковник огадела офицеров и сказал: — Господа, мне нравится эта идея.

Он решительно погнался к телефонной трубке.

Через полчаса с осажденному зданию подлетели пожарные машины, и саперы начали пробивать дыры в цоколе.

Неизвестно, что подумал засевшие в подвале, услышав глухие удары в стены. Они попряткему отстреливались, словно не обращая внимания на то, что додается у них за спиной, на улице.

Время уже близилось к полудню. Было очень тепло. Над квадратным двориком стояло безоблачное небо. Осажденные, если бы пожелали, могли увидеть из своего подвала клочок синего неба. Но это было рисковать. И до неба ли им?

Из проема неожиданно выстулались плаки с двумя лоскутом. Как только об этом сообщил полковнику, он приказал прекратить огонь.

— Посмотрите, что они запект теперь,— сказал он, потирая от удовольствия руки.

И вдруг в наступившей тишине из проема выстулали небольшой котенок, а белый лоскут материи тут же исчез...

— Это еще что такое?—воскликнула полковник.

И снова заговорили пулеметы. Вой продолжался...

В четыре часа полудни был отдан новый приказ: запустить помпы. Вода устремялась в подвал. Теперь полковнику и его солдатам оставалось только ждать. Однако генералу не терпелось. Он звална через каждые десять минут, требовал поскорее закончить с этой «идиотской осадой».

— Господи генерал,— отвечал ему полковник,— все идет по плану...

— Взять только живьем!— настаивал генерал.— Это очень важно. Приготовьте спасательную команду.

К шести часам вечера из проемов потекла во двор первая струйка воды. В правом углу двора собралась специальная команда, которой поручалось искать подвальную дверь. Осажденные, очевидно, заметили эту команду: длинная автоматная очередь разнеслась по двору.

Нет, подвал не помышлял о сдаче. Он ждал, он боролся!

К вечеру вода уж не вытекала, а восве

хластала из проемов. Пять пожарных машин работали на полную мощь...

И вот поздно вечером при холодном свете электричества на камни квадратного дворика осыпались выхлопы два труп... Их было не десять, а всего двое— двое молодых людей, брошенных бородами, как старики, и худых, как сама смерть. Кто знает, сколько времени они скрывались по подвалам и чердакам, ежечасно подвергая себя смертельной опасности...

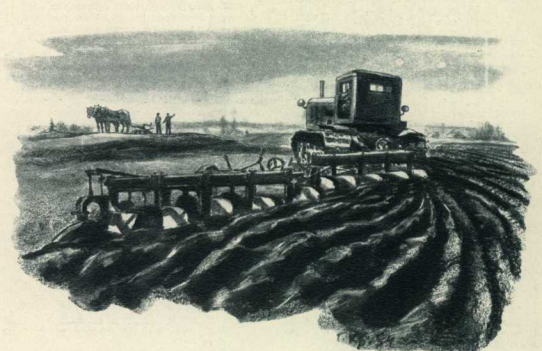
— Поковник самоувабится,— объявила один из офицеров полковнику.

Поковник поискал глазами капитана и сказал ему:

— План ваш был задуман превосходно, господа капитан. И это не мы, а они виноваты в том, что замысла ваш не удался.

...Старый дом все еще безмолвствовал: он был на осажденном положении, пока эти два коммуниста— пусть мертвые—находились во дворе.

2. КЛОЧОК ЗЕМЛИ

Прошел год с тех пор, как Штефан переселился в город и поступил на новый завод. На тридцатом году жизни он сделался саесарем. Работал в огромном цехе, крытом железом и стеклом, где во всем ему помогал машина, совсем новых машин. На большинстве из них стояли заводские клеима с надписками «Свердловск», «Харьков», «Ленинград».

Когда Штефану предстояли отпуск, он поехал не в дом отдыха, а в деревню, в гости к брату. Он с удовольствием думал о плуге, поднимающем пласты свежей земли.

Связать по правде, Штефан оскутился по широким деревенским просторам, половым цветам и высокому небу. Это был настоящий крестьянин, вскормяный землей и выросший на земле. В деревне почему-то так и не привлекло ему жениться, а в городе еще не успел. Горючие дуплени не очень нравились ему.

Они были, по мнению Штефана, чересчур умными и слишком воображали о себе. Во всяком случае, одучи в деревню, Штефан мечтал о какой-нибудь Маринке или Анке, и, кто знает, не в этот ли приезд решится его судьба?

С братом Михаилом он всегда был дружен. Мысли у обоих братьев текли в одном и том же направлении: как бы поскорее вспахать землю—вспахивку, как бы поскорее засеять ее и поскорее убрать урожай осенью. Все семья Михаил была одержима одной этой заботой, и все думы только о земле.

Приехал Штефан вечером, а рано утром вышел в поле вместе с братом.

Пахло весной. Невесте тоже было веселее— теплое, без облаков. Почти на каштанках, что выстроились вдоль дороги, уже забулжали. От земли поднимался приятный запах, точно от широта, подумывавшегося в дуковке.

Участок Михаила лежал на горбатой местности. Он был длинный—предлинный, этот зеленый лоскут земли.

Слева от участка уже были проведены первые борозды— жирные и глубокие. А направо лежала тоже длинный—предлинный лоскут, пока что нетронутый, обнесенный гаушкой канавой—мошкой. Это была чудной участок, соседский.

Михаил не терпел ни минуты, живо застрял в старинный плуг здоровенных копей. Штефан снял куртку и по привычке пошел на ладони.

— Кто-то старается с самого рассвета,— сказал Штефан, глядя на вышороченные рядом пласты.

— Все они,—ответил Михаил.

Михаил, казалось, похуледа за год. Глаза его потускнели и еще глубже запаши в орбиты. Эти перемены Михаил объяснял так: «Время идет— все мы стареем», и еще добавлял: «Ну и заботы, конечно». Он так и не сказал, какие именно заботы плужут крестьянское сердце. Однако Штефану было ясно, что с братом творится неладное. И было что-то особенное в его глазах, когда Михаил произнес: «Все они».

— Кто это «они»?—спросил Штефан.

— Разве не знаешь? Я, кажется, писал тебе...

— Что-то не припомню, Михаил.

Михаил подвел брата к мезе. Видишь тот жалкий посох? — Он уезжал тутко далеко на запад. — От него до самой реки и все, что лежит прямо перед тобой, — все это теперь кооперативное.

— Так, значит, у нас кооператив?

— Это у инк., у инк., — уточнил Михаил. — Они распахали межи и всю землю объявили общей.

Штефан почесал затылок.

— Кто же вступил в кооператив? — поинтересовался он.

— Да как сказать? Многие. Брезина, Захар, Фигуля...

— А они?

Штефан указал на лежащие справа лоскутные участки.

— Пока что не жалуют. Предпочитают работать в одиночку.

— А тебе предлагали вступить в кооператив?

— Уговаривали. Но я полагаю, что мне и так не плохо.

Штефан сдвинул шляпу на затылок, подбоченился и начал аккуратно приминать траву своим грубым сапогом.

— Начнем, что ли, Штеф?

— Да уж нечего делать...

Штефан встал за плуг, лошади рванули, и потрескивающий за звуку смехи взрылся в разбухшую от весенней влаги землю.

— С богом! — крикнул Михаил. — Ты, я вижу, Штефко, не разучился хозяйствовать!

Штефан двинулся вдоль участка. Солнце светило ему в спину. Могучие руки, словно приросшие к плугу, выводишь ровную и глубокую линию на поле. Штефан скривился за бургом и вскоре опять повиснул. Он изурядил, идея против яркого солнца. Коней не приходилось поугавать: они знали свое дело и, пофыркивая, тянули плуг, отталкиваясь от земли огромными копытами.

Из-за бурга, откуда только что возвращался Штефан, доносился глухой шум. Вспороте на

соседнем поле появилась машина. Это было новое гусеничный трактор. Он сверкал на солнце гусеницами, поблескивая краской, но тронуть его еще времени. Трактор тянул несколько плугов и оставала за собой широченную вспаханную плосу. Машина порывилась со Штефаном. На тракторе также соседств Янко Кырно, лет восемь тому назад работавший шпехером у местного богатого.

— С приездом, Штефко! — крикнул тракторист, оставившая свою машину.

Штефан поклонился ему.

— Как жизнь в городе?

— Неплохо, Янко, — отвечал Штефан. — В отпуске работал.

— Это уж как полагается, — сказал Янко. — Завод у тебя, говорит, новенький.

— Завод что надо, Янко. Ты бы поглядел, какие там машины!

— Случайно, но твоего ли производства? — спросил Янко, похлопывая ладонью своего желтого коня.

— Нет, мы делаем котам, — отвечал Штефан. — Мы делаем и маленькие коты и настоящие гиганты. А машины на заводе самые лучшие.

— Я думаю! — громко продала Янко, стараясь перебить гудение машины. — Ведь заводу всего-навсего один год!

— Верно, год — и не больше.

Штефану становится не по себе. Ему кажется, что Янко нарочно заговаривает о машине, чтобы намокнуть на старенький плужок, которым пахот Штефан. И Штефан пытается засанити собой скромное орудие пахара. Он вдруг с особой силой ощущает неадекватность своего положения: городской человек, работающий на одном из лучших заводов, идет посажуно за плугом, исторванным чуть ли не в прошлом веке.

Штефан готов провалиться сквозь землю. А Янко, словно желая сильнее досадить ему, не трогается с места. Он старательно вытирает руки какой-то тряпкой.

— Решил помочь брату? — спрашивает тракторист.

— Как видишь.

Ну, что еще скажет этот Янко? Штефан стоит все красный от досады: ему неадекватно, он почти оскорблен. Правда, кто-то не сказал ему худого слова! И все же...

Янко, как видно, хочет еще что-то сказать, но не решается. Неожиданно кивнул, он включает рычаг и едет дальше на своей машине. А за ним, словно волны за кормой корабля, поднимаются пласты земли и медленно опускается набок. Янко точно падает на большом парохде мимо жалкой постудини, у которой одиноко торчит Штефан.

Давно не переживала Штефан этого стыда. Он, работавший большого завода, где все машины словно живые, — и вдруг у старенького плуга! Ему было очень стыдно и за себя и за брата.

Штефан обращается к брату:

— Михаил, не кажется ли тебе, что не все у нас хорошо?

— А что?

— У меня такое чувство, словно я в чужом провинциальном. Этот клочок земли, и этот допотопный плуг! — Штефан готов разозлиться. Можно подумать, что мы уже не двадцатый век, будто и машин не бывало на свете!

— Я бы мог попросить машину, — бормочет Михаил, точно оправдываясь, — да ей нечего делать на этом клочке.

— Надо что-нибудь придумать, — говорит Штефан, — а смириться не стоит, ей богу, не стоит надо что-то решить.

У Михаила тоже, видно, не совсем сладко на сердце. И он понимает, что надо что-то решить.

— Ажно, поработаем, а завтра отправляюсь в кооператив, — говорит Михаил. — Переомаюсь там словечком.

Штефан снова берется за плуг. Солнце желая подбодрить брата, Михаил бросает ему выножку:

— Не беспокойся, Штефко, непременно скожу!

Прага — Братислава — Москва.

Юрий ТРУСОВ

СТИХИ

УЛИЦА ВАКУЛИНЧУКА

В порт,
где краны, грузы поднимают,
стреамки цепают облака,
нас приводит улица прямая,
слух матроса Вакулинчука.

Здесь не бомбы грузят в пароходы, —
лаб,
плуги,
комбайны,
россыпь руд.
И под алым флагом всем народам
мир отсюда корабли несут.

Здесь,
где пробывает ветер зловонный,
по хрустящей угольной пыли,
в дни,
когда бурлака, востав, «Потемкин»,
топыи к нашему герою шли,
Он лежал на бирсе возле моря,
где трехтрубный броненосец стоял,
где на мачте в штормовом просторе
флаг очнем стружистым бушевал.
Флаг в палат,
и с ним сзывались зори,
отблески быстротечных гроз,
первый алый флаг
на Черном море,
за который жизнь отдал матрос.

Этот флаг мы высоко поднимал.
Наше счастье
строил за века,
мы в Одессе улицу назвали
в честь матроса Вакулинчука.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Пройдены проливы коридоры.
Наконец-то за кормой Босфор!
Черноморья синие просторы
вновь,

куда ни глянь,
встречает взор.
Моряков обветренные лица
радостно-торжественны сейчас.

Русские,
грузины,
украинцы
с синевы родной не сводят глаз.
До причала миль еще не мало —
ширь морскую надо пересечь.
Судно уберяет ход.
Устава
хочет солнце на воду прилечь.
Налымают сумерки густые.
Звезды Родины, дрожа отчего,
за двадцать месяцев вперные
засияли вновь над кораблем.

И на судне морякам не спится,
Песни слушают всю ночь луна.
С порюк рассветило зарпещей
раздается:

— Родина видна!
Ближе, ближе берег Украины —
золотых отблесков кружина,
Украинцы,

русские,
грузины
радуется: — Родина видна!

В ОБИДИОПОЛЕ

Где Пушкин легкой проходила
походкой,
искала Овидия забытый след,
на берегу, что стал от соли сел,
и увидела покинутую лодку.
Как будто только что, нетерпеливый,
ушел поэт в синевенный туман
взглянуть на дальний белый Аккерман,
на древних стен замшелые массивы.
И вдруг

— вот здесь, на берегу широком,
и усмалка стихик...
Недалеко
читал на украинском языке
рыбак-колязник
пушкинские строки.
г. Одесса.

Портрет А. М. Горького работы В. Ефанова.

61
33631

Е. Шеринъ.

Art. Con. Xn.

Много хлопот доставили съемки «морского боя».

Фото В. Тимофеева.

КАК СНИМАЛСЯ ФИЛЬМ

„ШКОЛА Мужества“

В тандеме два в кинодудки «Мосфильма» царит особенное оживление. По коридорам снуют озабоченные администраторы, ассистенты подносят к лифту блестящие коробки с пленкой, и из просмотрового зала, как рокот отдаваемого привода, доносится гул голосов. Это знают, что в студии заканчивается прием очередной кинокартины.

Так было и сейчас — сдавался новый цветной художественный фильм «Школа мужества».

Почти два года тому назад выпускникам Института кинематографии С. Розену и К. Семенову предложили экранизировать одну из любимых произведений советской молодежи — повесть Аркадия Гайдара «Школа». Идея эта сразу увлекла молодых сценаристов. Хотелось ярко и правдиво рассказать о героической эпохе гражданской войны, о судьбах юных солдат революции.

Началась разработка литературного сценария.

Сначала необходимо было решить вопрос: какие эпизоды следуют перенести в сценарий? Если в него войдет все: и Араамас, и Сорново, и фронт, — фильм расплывется на несколько отдельных кусков, связанных только одним героем — Борисом Гориковым. Но ведь путь Бориса в революцию был путем и самого Гайдара и многих тысяч его современников. Поэтому надо было отобрать в «Школе» самое существенное, шире показать исторический фон, ярче раскрыть образы и характеры героев.

Сценарий пополняется материа-

Первые эпизоды фильма снимались в Серпухове.

лами биографии Аркадия Гайдара, его рассказами.

Почти все главные действующие лица — Борис, Галка, Шмаков — обогащаются новыми чертами,

возникают и новые персонажи — Верка, Аким Рабуха.

Постановка фильма была поручена молодым режиссерам В. Басову и М. Корчакину, незадолго до этого закончившим свою первую картину — «Назлабники». Операторов, художников, администраторов — обоим съёмочную группу — подобрали довольно быстро. Сложнее оказалось с актерами, особенно с выбором исполнителя ведущей роли. Он должен был отвечать различным требованиям: прежде всего, соответствовать задуманному образу Бориса Горикова, и в то же время хотелось, чтобы он имел портретное сходство с юным Гайдаром. Кроме того, ему нужно было уметь ездить верхом, плавать, лазать по деревьям, стрелять.

Ассистенты режиссера обшлись почти все московские театральные учебные заведения, побывали в коллективах художественной самодеятельности, отбирая подходящие кандидатуры. К пробным съемкам было допущено пять актеров. В их оценке принимали участие многие крупные советские кинорежиссеры — М. Ромм, И. Пырьев, А. Доженко.

Выбор жюри пал на Ленья Харитонов — студента школы-студии при МХАТе. Правда, Ленья пока не умел ездить на лошади, был старше своего героя, но зато его игра отличалась простотой, неподдельной искренностью.

Процесс определялся артист на роль сына купца Синогина — Митки. Манера исполнения, внешние данные Алеша Сергеева, ученика школы при Малом театре, настолько хорошо подходили к этому образу, что вопрос о его участии в фильме решился единогласно.

Постепенно были подобраны и другие исполнители, в основном молодые актеры М. Пугачин, Р. Маконогова, В. Захарченко, В. Горелов, В. Брежнев. В роли отца Бориса Горикова снимался артист П. Чернов, на самом же деле ему было не намного больше лет, чем «сыну» — Ленья Харитонов. И лишь двух главных героев — Чубука и командира отряда Галку — играли опытные актеры старшего поколения — М. Бернес и В. Емельянов.

Первые части фильма — до ухода Бориса на фронт — снимались в Серпухове.

Много хлопот доставили съемки «морского боя». Его проводили на реке, потому что долго не могли найти подходящую по размерам пруду. В этих сценах принимали активное участие серпуховские школьники. Шли проливные дожди, но это их не смущало. Они так «входили в роль», что продолжали топить «евразские корабли» и после окончания съемок.

Дожди сильно мешали съёмкам. Но когда на небе снова засияло солнце, пришлось создавать непогоду искусственно, так как предыдущие кадры снимались в дождь. В действие пустили несколько мощных насосов, оглушительно заревел мотор-ветродуд, с помощью которого разбрызгивали струи воды.

Однако вскоре погода испортилась окончательно, и дальнейшую работу пришлось перенести на юг, в район Таганрога. Здесь были засняты многие массовые сцены, кавалерийские атаки, эпизоды во дворе Белогордейского штаба, бой за колокольню, ночной привал.

К этому времени Ленья Харитонов уже научился ездить верхом и чувствовал себя настоящим джигитом. Все же в ответственные моменты, например, в сцене падения с лошади, ему пришлось поступить само собой, опытный всадник. Такие замены, которых зритель даже не замечает, в фильме было немало. В кадрах

«ЦВЕТКО КОРЕИ»

В широко распахнутые окна театрального класса заглядывают золотые ветви деревьев. На позолоченной крыше роится ораванное солнечные лучи. Все стремительней становится мелодия танца, и, подчиняясь ей, кружится, словно подчиняемая легким ветром, смуглая девушка.

Это Ан Сон Хи — юная корейская танцовщица. Уже третий год она занимается в Москве в хореографическом училище Государственного академического Большого театра. Ан Сон Хи решила стать балетмейстером. Ее мечта — создать у себя на родине современный балет.

Каждый ее рабочий день нагружен до предела. Прежде всего нужно овладеть русским языком. Заучить пятьдесят слов ежедневно — такую задачу поставила перед собой Ан Сон Хи. Хороший балетмейстер должен обладать высокой общей культурой, и Ан Сон Хи глубоко изучает музыку, литературу, историю танца, изобразительного искусства. Не менее важна загрузка в учебном институте театрального искусства имени Луначарского, часто бывает на занятиях, художественных выставках, в театрах.

В Корее до сих пор нет балета только по политическим и идеологическим причинам. Ан Сон Хи мечтает рассказать выразительными средствами танца о своей родной стране.

Нелегко дается Ан Сон Хи техника классического танца. Но она неотступно постигает это сложное мастерство, по несколько часов подряд занимается с балетного станка, обрабатывая каждую деталь. Молодая балерина очень быстро изучила танцы народов СССР — таджикские, грузинские, в них много общего с корейскими. В занятиях она с теплотой исполняет тематическую уральскую пьесу «Алтарь».

Скоро Ан Сон Хи возвратится домой. Ее искусство изучил свободному корейскому народу. Надеемся, юную танцовщицу на родине с любовью называют «Цветок Кореи».

МАРТИН АНДЕРСЕН НЕКСЕ

— Борьба, а меня тоже в революцию приняла.

(Кадр из кинофильма).

гигиены полковника Нихарева, например, в течение нескольких секунд сменяются три исполнителя: сначала это актер Н. Гарин, затем — дублер и, наконец, падающая с обрыва кукла.

Последующую сценку фильма проводили на побережье Черного моря.

День за днем, в перерывах, на репетициях и даже во время съемок продолжались настоящие поиски лучшего решения: мимика, диалог, жесты, широкая панорама, появились новые детали.

В автобиографии Гайдар писал: «Мне было всего четырнадцать лет, когда я ушел в Красную Армию. Но я был высоким, широкоплечим и, конечно, сорвал, что мне уже шестнадцать».

Эти слова послужили материалом для целого эпизода, когда Борис, желая попасть в отряд, гово-

рит Галке неправду о своем возрасте. Но нужно было показать, как пришли в отряд и другие герои фильма. В сценарии они один за другим обращались к командиру, называя фамилии, и Шаповал тут же заносил их в список. Эпизод выглядел очень скучным. Начались поиски настоящего решения. В режиссерской разработке эти сцены были оживлены раздвинутыми деталями.

Так, в напряженных исканиях, преодолевая трудности, добывая жизненную правду, большой творческий коллектив создавал новый киноартур.

Фильм вышел на экраны. О том, как актеры, постановщик, оператор справились со своей задачей, будет судить зритель — самый строгий и беспристрастный критик.

Н. СУРЦЕВ

КОЛХОЗНАЯ СВАДЬБА

Столы, расставленные под деревьями, уже ломятся от яств, а девушки в пестрых украинских костюмах приносят мазы и новые блюда. Но все слышится гул от автомобиля. Все настроилось, уже кто-то приоткрыл люк и соль... Торжественно и немного смущенно, появляются молодожены...

Так начинается на сцене Дворца культуры Харьковского электротехнического завода хореографическая постановка «Колхозная свадьба».

Мысль о том, чтобы показать на сцене веселую, богатую колхозную свадьбу, возникла у Ольги Николаевны Борзовской — руководителя самодеятельного танцевального коллектива. Но для осуществления постановки необходимо было глубокое изучение быта украинской деревни. Посоветовавшись с работниками Дома народного творчества, Ольга Николаевна отправилась в село Шаповаловской области. Кротопитно изучала она народные танцы, запоминала характерные мелодии. Десятки танцоров прошли перед ее глазами, множество увлекательных плесков проследовала она, прежде чем отыскать наиболее типичные.

Когда подготовительная работа была окончена, Ольга Николаевна вместе с участниками хореографического кружка Дворца культуры обсудила либретто постановки. Тема увлекла всех. Роль невесты получила работница Галия Гребенюк — эмигрантка Алесандро Эгалео.

Премьера состоялась во Дворце культуры завода. Зрители увидели на сцене настоящую колхозную свадьбу: полную искренности, веселья. Они дружно аплодировали жениху и невесте. Впервые выступила ансамбля Фрезероватца Саши Гончарова, выступавшая в роли подру-

Участница постановки фрезероватца Саша Гончарова.

ги невесты. Она танцевала с таким темпераментом, с таким задором, что зрители невольно приоткрыли ноги. Появление на сцене молодого эмигранта Винтора Кудебры вызвало восторг. Юношу нельзя было узнать: так искусно его загримировали. Кудебры, седойший дед с молодыми озорными глазами, глядя на плеск молодоженов, подергивал плечами, восхищенно мурлыкая головой и наконец не выдержав, сам пустился вприпрыжку.

Постановка прошла с большим успехом. Танцевальный ансамбль Дворца культуры Харьковского электротехнического завода выиграл конкурс самодеятельных групп и всегда встречает теплые, радужный прием.

«Смена» готовила статью к 85-летию дня рождения замечательного художника слова — Мартина Андерсена Нексе, которого по праву называют датским Горьким. В эти дни пришла телеграмма от его вдовы.

Валентино писала нет в живых, но имя борца за счастье людей навсегда остается бессмертным в памяти человечества.

... »

На другой день после Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, 4 ноября 1917 года, В. И. Ленин обратился к народу.

«От своего имени и имени моих товарищей с глубоким и бесконечным энтузиазмом приветствую победивший русский пролетариат. Выш предвещая пример истряхает все человечество... Предлагаю свои услуги великой революции». Мартин Андерсен Нексе».

Имя датского писателя было хорошо известно Ленину. Еще в 1912 году, прочтя роман Нексе «Палла-Заваттени», Ленин в письме, адресованном в редакцию газеты «Правда», предложил срочно познакомиться и поехать вместе в Россию.

Молодший брат Нексе не был легким. Он родился 26 июня 1869 года в семье каменщика, ишведского происхождения. У его родителей было одиннадцать детей.

На долю Мартина — четвертого из двенадцати — выпало с пятилетнего возраста начать учиться в школе. Но родители не хотели, чтобы он стал — острев Борнхольм. Здесь обитало маленькое городишко Нексе, название которого впоследствии стало литературным именем писателя.

Нужда очень рано заставила Мартина пойти в люди. Он несолоно хлебал из чужаки, затем был отдан в ученье сапожнику, потом работал стрелецким. Тяга и знание, приобретенные у Мартина под влиянием прочитанных книг, привело его к самообразованию.

Почти всю жизнь Нексе был отдан в ученье сапожнику, потом работал стрелецким. Тяга и знание, приобретенные у Мартина под влиянием прочитанных книг, привело его к самообразованию. В городе Оденсе. Тогда и появился его первый очерк о летнем празднике на Борнхольме. В конце 1893 года Нексе был избран членом народной хороводнице «Памяти павших», посвященной погибшим в море рыбакам.

В 1898 году вышла сборник рассказов Нексе «Генна», который привнесла широкая известность. С этого времени начинается огромный труд Нексе в литературе. Творчество его разнообразно: очерки, публицистические статьи, стихи и романы. С самого начала своей писательской деятельности Нексе был представителем новой, пролетарской литературы.

Виднейшее место в творчестве датского писателя занимает жизнь молодого революционера — «Маленький» — «Под ударами неба», «В чужих людях» он рисует безотрадную картину отрочества и юности рабочих молодежи в условиях капитализма. В замечательном рассказе «Палла-Заваттени» дитя «договорилось с человечеством» и «Морти Кристин», охватывающей пятидесятилетнюю историю рабочего движения в Дании, Нексе показал формирование нового поколения революционеров, ее участие в революционной борьбе.

Возвращение писателя в Россию указала Нексе правильный путь. Он стал одним из создателей Датской коммунистической партии. В 1922 году с большим трудом Нексе пришел в Советский Союз, где

на IV конгрессе Коминтерна встретился с Лениным. Об этой встрече он написал прощательную очерк «Я видел Ленина».

Борьба против врагов первого социалистического государства, изучение и перенятие его опыта. Нексе в 1929 году окончил в связи выступлений в Москве, обращаясь к советским людям, сказав:

«Я благодарю вас за то, что вы указали нам путь, благодарю, за чудесную действительность всех времен за Советский Союз».

Во время любительных торжеств, посвященных шестидесятилетию Нексе, представитель делегации студентов Коллежского университета обратился, по датскому обычаю, и писателю с вопросом:

«Вы поздравите провозглашение Ура Андерсену Нексе?»

На это должен был последовать ответ: «Если вы считаете меня достойным этой чести». Но писатель сказал иначе:

«Я не возражаю в том случае, если прежде провозгласите ура Советскому Союзу».

Неоднократно бывав в нашей стране и имея завесь родины, Нексе всегда чувствовал себя не гостем в чужой стране, а своим человеком. Рассказывают, что когда в 1922 году он впервые неслегка добрался до родины, он был встречен товарищами, то, бывавшие к ним, опробованным сыном.

«Я рад, что вы хорошо стареете», — сказал Нексе. «Я считаю величайшим счастьем своей жизни то горю, что потребовало от вас, чтобы вы обратились к русским народом сделал меня своим приемным сыном, русский народ являющийся авангардом пролетариата и человечества».

Муштвенно и громко звучал голос великого революционера против фашистской опасности. Нексе в оном обобщил бойцов республиканской Испании. Его именем в Испании была названа одна из интернациональных бригад. В 1939 году он бесстрашно выступил с разоблачением бюрократической пропаганды, затевая по указанию империалистов против Советского Союза.

Министр юстиции Дании потребовал запрещения книг Нексе, буржуазные органы исправились трагично писателя, на площади города Сарре на юстре жгли его книги. Но ничто не могло помешать писателю-интернациональцу.

В мае 1940 года гитлеровцы оккупировали Данию. И в эти черные дни голос Нексе воздвигался над морем захватчиками. В день нападения фашистов на Советский Союз империалисты датского писателя бросили в тюрьму. Лишь осенью 1943 года удалось освободить его побег и переправить вместе с семьей в Швецию. Оттуда в 1951 году Нексе вернулся в Данию.

После окончания войны писатель выступил на стороне Дании, которую поселился в Германской Демократической Республике. До последних дней он оставался в Дании, где широко участвовал в мирной борьбе.

В последние годы жизни писателя, то вспоминая его слова о великом Дане, Нексе написал стихи поэты — «народные певцы» — и пролетариата. Он был впереди на славы победы. Таким народным певцом коммунизма был сам Нексе. Он оставил нам много ценных книг, которые всегда будут помогать человечеству в его борьбе за свободу.

Л. ЕРХОНОВ

кандидат филологических наук.

НЕИССЯКАЕМЫЙ ИСТОЧНИК

ПОЮЩАЯ СТАТУА

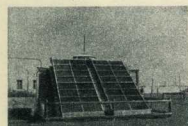
За 1500 лет до нашей эры в древнем Египте была воздвигнута статуя Аменофиса III. Об этом событии сейчас, быть может, и не стоило бы говорить, если бы не одна интересная подробность: раз в сутки статуя издавала странные звуки, напоминающие пение. Каменный певец был довольно капризен — в зависимости от погоды у него менялся интонации. Он пел только о солнечный день.

Теперь это «чудо» объясняется очень просто: в голову статуи был спрятан музыкальный инструмент типа органа, который приводился в действие солнцем. Поэтому ночью и в ненастье статуя хранила молчание.

Пюющая статуя была первой в истории статуей солнечной машины.

Много лет занимаются ученые вопросами использования солнечной энергии. Еще великий Ломоносов в одной из своих работ предлагал «пытать отведать электрической силы в фокусе закаливающего инструмента» и писал об изобретении им замечательного прибора, в котором солнечные лучи собирались в узкий пучок при помощи 8 линз и 7 зеркал.

В наше время советские ученые-гелиотехники (гелиотис — погречески означает солнце) — сотрудники гелиолаборатории Энергетического института имени Г. М. Кржижковского Академии

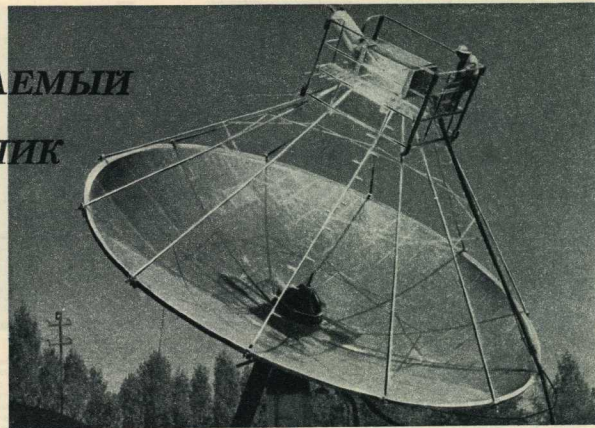

Солнечная душевая установка.

науки СССР — работают над созданием всевозможных солнечных машин для промышленности, сельского хозяйства, для бытовых нужд. Они добиваются того, чтобы солнце в полном смысле этого слова обслуживало людей.

«ГОРЯЧИЙ ЯЩИК»

Простейшая гелиоустановка — своеобразная ловушка солнечных лучей — называется «горячим ящиком». Крышка у него стеклянная;

Солнечный паровой котел.

дно, где уложены трубы, обито тонким железным листом и окрашено черной краской. Лучи солнца, проходя через стекло, падают на зачерненное дно и нагревают воду, которая циркулирует по трубам. Около 200 солнечных душевых установок, оснащенных горючим ящиком, уже давно работают в Ташкенте, в Тбилиси, в Крыму, на одном из заводов Брянска и в других местах.

Существуют и солнечные ингаляторы, действующие по такому же принципу. В этом случае «горячий ящик» для лучшего сохранения тепла закрывается тройным слоем стекла, а над ним монтируется рама с металлическими зеркалами для концентрирования солнечных лучей. Кроме стационарных ингаляторов, созданы походные солнечные кухни для полевых станций и экспедиций.

В последнее время сотрудники гелиолаборатории сконструировали специальные сушилки для фруктов, овощей, хлопья.

В городе Балашов, расположенном на берегу огромного соленого озера, питьевой воды нет. Приходится пользоваться опреснительными установками, которые расходуют большое количество привозного топлива. Но ведь можно обойтись имеющимся здесь в достатке местным «топливом» — энергией солнца. В гелиолаборатории созданы специальные солнечные опреснители. Один из них испытывался в Ташкенте. Для того, чтобы опреснить воду, ее испаряют, затем образующийся пар конденсируют, то есть превращают в капли чистой дистиллированной воды. В ясный день за 10 рабочих часов солнечный опреснитель дает тонну дистиллированной воды.

Интересна конструкция самой солнечной «машины» такой установки. Когда смотришь на ее огромный рефлектор, кажется, что перед тобой машина из какого-то

фантастического романа. Рефлектор — зеркальная чаша, имеющая 10 метров в диаметре — укреплен на массивном стержне. В фокусе рефлектора на металлических стержнях укреплен трубчатый паровой котел. Он дает пар давлением в 7 атмосфер, причем не только в жару, но и в погожий зимний день: температура воздуха на работе установки почти не снижается.

СОЛНЦЕВАРКА

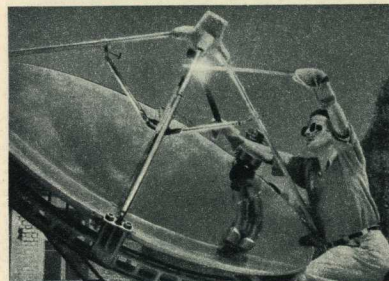
Всем известна автогенная сварка металла, но вряд ли большинству читателей приходится слышать о недавно примененной солнцесварке. Возле солнечного рефлектора

к рефлектору. Мощный солнечный зайчик, концентрация лучей в котором в несколько тысяч раз больше, чем в зайчике от обычного зеркала, раскаляет жалезо до бела и плавит его. Полосы крепко-накрепко сварены.

Насколько высока температура самого центра солнечного зайчика, его «жара», показывает то, что он может оплавить вольфрам, температура плавления которого 3500 градусов.

СОЛНЕЧНАЯ ПЕЧЬ

Солнечная печь! Для ее топлив не требуется ни угля, ни дров, ни торфа, ни нефти. На юге где отопительный сезон короток, где далеко от солнца и не хватает топлива, такая печь незаменима. Ге-

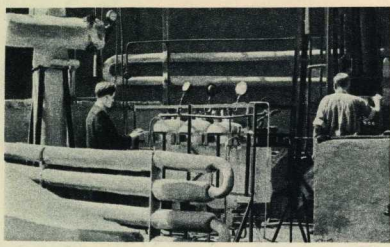

Солнцесварка.

стоит человек в черных ботинках. В его руках, защищенных брезентовыми рукавицами, две железные полосы. Приложив полосы друг к другу, человек подносит их

гелиолабораторий уже проводили расчеты солнечной печи централизованного отопления.

К отопительному сезону, как и обычно, начнут готовиться зара-

Солнечный холодильник и опреснитель.

нее. Уже в последние погожие дни осени станция приступит к созданию запаса тепла. Солнечные установки нагреют воду, которой будут заполнены огромные закрытые бассейны. Эти бассейны являлись, собственно, аккумуляторами солнечного тепла.

Зимой они будут продолжать заряжаться в таком солнечном городе, как Сталинабад, подобная станция могла бы сэкономить в течение года тысячи тонн топлива. И все же станция окажется невыгодной, если будет принести пользу только зимой. А почему бы ей не действовать и летом? В жаркие дни для солнечной станции вполне достаточно работы, она может давать пар. Однако для станции есть еще одно дело — изготовлять лед.

Солнечный холодильник! Само сочетание этих двух слов кажется странным и тем не менее возможным, как икружал квадрата. Но в Ташкенте в прошлом году уже работал солнечный холодильник. За 7 часов он дал 215 килограммов льда.

ЗАЯЧЬИ ИЩЕЛИТЕЛЬ

Есть такая поговорка: куда часто заглядывает солнце, туда редко заходит врач. И, пожалуй, лучший иллюстратор к ней может служить своеобразный солнечный кабинет при одной из больниц Алма-Аты.

На открытой, окруженной со всех сторон зеленой площадью стоит небольшой домик со стеклянной стеной. Медицинская сестра подходит к установленной против дивана раме со множеством зеркал и направляет на него большой солнечный зайчик. Для того, чтобы у больного не было ожога, она непрерывно поворачивает раму, — зайчик метается из стороны в сторону. Через несколько минут эта нехитрая процедура окончена.

Более 15 лет существует солнечный кабинет. Здесь побывали сотни людей. Солнечный зайчик оказывает настоящим исцелителем, лечит рвматизм, гайморит, радикулит, болезни кожи.

НЕ СЛЕДУЕТ ТОПИТЬ АССИГНАЦИЯМИ

Что бы вы сказали о путешественнике, исследователе каких-нибудь отдаленных земель, который летом, имея возможность есть свежую пищу, предпочитает ей консервы?

Но ведь нечто подобное происходит сейчас со всеми людьми.

Мы расточительно расходует драгоценные, невозобновимые «солнечные консервы» — уголь (в угле как бы законсервирована, аккумулярована энергия солнца) и почти не используем имеющийся в изобилии, никогда не иссякающей, «всемирной» энергии солнца.

Д. И. Менделеев, говоря об использовании нефти в качестве топлива, заметил, что с таким же успехом можно топиться и ассигнациями. В равной мере это относится и к углю. Действительно, ведь неспроста уголь называют «черным золотом». Из него добывают ценнейшие химические продукты, от которых для металлургической промышленности.

Кроме угля и нефти, мы пользуемся еще силой падающей воды, энергией ветра. Наконец, в руках у людей теперь доступна атомная энергия. Но ничто не может сравниться с солнцем. Каждую секунду оно излучает такое количество энергии, которое можно было бы получить из одного 13 000 000 миллиардов тонн каменного угля.

«...по моему мнению, — говорит известный французский ученый и общественный деятель Фредерик Жолио-Кюри, — небольшого значения заслуживает непосредственное использование падающей на Землю солнечной радиации¹. Если бы при помощи соответствующего оборудования мы смогли использовать только 10% солнечной радиации, падающей на поверхность, равную по площади Египту, то количество получаемой таким образом энергии было бы равно тому количеству энергии, которое в настоящее время производится во всех странах».

Следовательно, дело за тем, чтобы научиться использовать богатство, изучаемое солнцем.

Советскими геологичеками коведо уже достигнуто, но, конечно, работа еще только начинается. В ближайшем время предстоит создать экономичную и удобную паросиловую установку, дающую электрический ток. А вперед — разработка вопросов, связанных с получением электричества непосредственно из лучистой энергии солнца с помощью фотоэлементов, а затем и термоэлементов.

Несомненно, неиссякаемый источник энергии — солнце — в будущем превратится в верного слугу человека.

Г. ЮРМИН

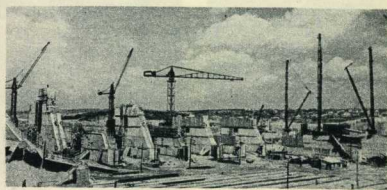
¹ Радиация — лучистая энергия, излучаемая солнцем в мировое пространство.

Плотина на Днестре

Год назад в Молдавии, вблизи районного центра Дубоссары, в суглинках левого берега Днестра был заложен первый шпунт. А сейчас на строительстве Дубоссарской ГЭС в глухую, отгороженную первичной котловане уже выросли всемогущие мощные железобетонные бивны.

Днестра Дубоссарской гидроэлектростанции будет заочное, энергообеспечение Молдавской республики сразу же возрастет почти втрое.

Энергию получат десятки промышленных предприятий, школы, МТС. Одновременно будет решена

Общий вид строительства

Дубоссарской ГЭС.

Фото И. Грязнова.

Днем и ночью на умоляют на стройке гром металл, звон бацанных кранов, рокот скреперов, треск электросварки. В своей работе строители крупищей в республике гидроэлектростанции широко используют передовые методы труда и опыт гигантских строив Волги и Дона. Здесь развернуто социалистическое соревнование за досрочный пуск ГЭС.

Многие механизаторы — водители бульдозеров и самосвалов, электромонтеры и газосварщики — внарядно выполняют по две и более нормы, приближая торжественный день пуска ГЭС.

Среди строителей широко известно имя двадцатичетырехлетней газосварщицы-верхолазы Виолы Гудовой. О Виоле здесь говорят, что ее радио можно встретить на земле, так как последние рабочие места давались — на откопченной стене бивны — на высоте 20—30 метров. Прикрепив себя широкими поясом и стене, девушка свободно, умелыми, привычными движениями подвезает горючие пламями газозара болты, крепящие опалубку.

Когда строительство первой на

Верхолаза Виола Гудова.

важнейшую народнохозяйственную задачу по освоению тысяч гектаров колхозных полей, сада и огорода.

И. ГРЯЗНОВ

У берегов Сахалина

Весной вместе с теплыми южными ветрами к западному побережью Сахалина подходит на нерест огромные косяки сельди. Ры-

бы бывает так много, что море у самых берегов терпает свой цвет...

После освобождения южной части Сахалина от японцев здесь была создана мощная, оснащенная по последнему слову техники рыбная промышленность. Вдоль всего западного побережья расположились рыбные комбинаты и заводы, рыболовецкие колхозы. Промысловый флот острова обладает замечательными судами — траулерами, океанскими сейнерами, на которых можно добывать рыбу в любое время года, в любую погоду. Используя гидроакустические приборы, суда разведки успешно находят крупные скопления рыбы и находят на след промысловые суда.

Большие уловы берут известные на Сахалине мастера лова — Иованов, Дурмаков, Страхов. Ежегодно рыбаки Сахалина дают государствену свыше миллиона центнеров сельди, кеты, горбуши, трески, камбалы.

Ф. СВЕТОВ

В ЧЕСТЬ ВСЕНАРОДНОГО ПРАЗДНИКА

Флаги, транспаранты, цветы украсили Москву в день празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией. На оживленных улицах, в садах и парках слышались русские и украинские песни. В этот день продемонстрировали свое мастерство спортсмены столицы — боксеры, легкоатлеты, теннисисты, конники. На московском стадионе «Динамо» состоялся спортивный праздник. Несколько тысяч физкультурников — представители всех спортивных обществ столицы — участвовали в параде. Затем они выступили с гимнастическими упражнениями. Команды легкоатлетов Москвы и Украины померились силами в беге, прыжках, толкании ядра.

На снимке: выступление сводной колонны московских физкультурников на стадионе «Динамо» в день славного всенародного праздника.

Модель ИРЫ ЧЕБАНОВОЙ

Быстро набирая скорость, модель гидросамолета уходила в синеву неба. Еще несколько минут назад можно было различить ее фюзеляж и крылья, а теперь виднелась лишь небольшая, все уменьшающаяся точка.

— Самолет! Скорее посылайте за ней самолет!

К «ПО-2» уже бежали судьи, спешила и юная хозяйка модели Ира Чебанова. Девочка волновалась больше всех.

Самолет полетел догонять модель. Он шел за ней следом полчаса, сорок, пятьдесят минут. Вот истекло 53 минуты — время мирового рекорда, принадлежавшего венгерскому авиамоделю-исту. Минутная стрелка часов описала полный круг. Уже час построенная Ирой модель гидросамолета находилась в воздухе. Прошло еще десять минут. И только тогда красноватая птичка начала снижаться.

Когда она приземлилась, взгляди вправо — 1 час 13 минут 26 секунд!

Так московская школьница Ира Чебанова установила мировой рекорд продолжительности полета фюзеляжной модели гидросамолета. Статуэтку на подмосковной станции, ее самолетик станины, ее самолетик донесли до Бывково. Это 37 километров!

...Когда четыре года назад пятиклассница Ира Чебанова впервые пришла в авиамоделный кружок, она не умела даже правильно держать в руках рубанок.

Однако упорство и настойчивость взяли верх. После больших трудов

Ира довольна: ее модель установила мировой рекорд.
Фото В. Тюнжелд.

Ира Чебанова готовит модель гидросамолета.
Фото Г. Яблоковского.

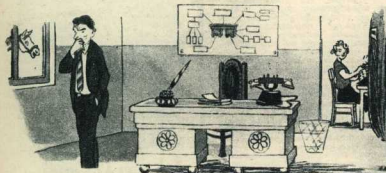
Ира построила простенький планер. Правда, летал он неважно, но девочке казалось, что лучше этой ее модели и быть не может.

Затем Ира начала делать маленький гидросамолет. Чтобы выполнить настоящую модель, надо быть и конструктором, и столяром, и металликом, и художником. Уже первые испытания показали, что «самолет» может долго продержаться в воздухе. Однако юного конструктора эти результаты не удовлетворяли.

Крылья были еще несколько тяжеловаты. «Граммов на пять я их, пожалуй, могу облегчить», — решила Ира и снова села за расчеты. Она многое переделала, улучшила конструкцию, и вскоре ее модель побила мировой рекорд.

Сейчас ученица 9-го класса «В» 648-й московской школы Ира Чебанова продолжает заниматься в авиамоделном кружке Дома пионеров Кировского района и работает над новой моделью.

Л. РЫБИНА

БЕЗ БУМАЖНОГО ОПЕРЕНИЯ

Из окна кабинета секретаря Лежского района комсомолка Пантеевны Петровна Пушпушева видела узкую быструю речку Сакера. Мелкий плеск воды отчетливо слышен в комнате, и это единственное, что нарушает установившуюся здесь тишину.

Пушпушев с сосредоточенным видом сидит за письменным столом. Перед ним лежат две папки для бумаг. На одной из них, пухлой и обмякшей, надпись: «Февраль — март 1954 г.». На другой, почти совсем пустой и тоненькой, пометка: «Апрель — май».

Глубокое символическое смысле давно это брожающееся в глаза различие в объеме между двумя папками. Видно, бюрократический бумажный поток, о котором немало говорили на XII съезде комсомола, стал заметно сокращаться.

Конечно, Пушпушев, как и все, искренно приветствовал решение съезда о борьбе с бюрократизмом, но неожиданно для себя он вдруг почувствовал, что как-то скудно стало ему без ежедневных резолюций и директив, без речей на заседаниях и разговоров по телефону.

Рашины ему времени не хватало. А теперь, как ни взглянет на часы, все кажется, стрелки застыли на месте.

Передожив несколько бумажек из одной папки к другой, Пушпушев подходит к окну. Рядом с изгородью сторожка сестра Шура залгает райкомовскую лошадь, которой неизвестно почему присвоена кличка «Химик».

Спокойный по натуре Химик переступает с ноги на ногу, несильно мотает головой. Пушпушев сразу же увидел в этом непорядок. Он пошире открыл форточку, крикнул:

— Сунуль перетяжи, сунуль, тега Шура!

Утега Шура кивнула. Пушпушев, удовлетворенный своим вмешательством, с важностью прошепел по комнате:

— Все учить надо,— бормочет он.

За стеной кабинета монотонно трещит машинка. Лилия Фролова,

заведующая отделом школьной молодежи и пионеров, перечитывает поступившие из комсомольских организаций сведения о подготовке торфоперегонных горюшков. Время от времени Пушпушев стучит в стену, спрашивает:

— Никто бумаги не сообрабат?

— Нет, шкото,— отвечает голос из-за стены.

Фролова доложила секретарю райкома нераспустую цифру: комсомольным районам должны были изготовить четыреста тысяч торфоперегонных горюшков, а сделали только немногим больше двухсот тысяч. Обязательство райкома не выполнено.

«В обхоке узнают, оляка попадет»,— с грустью думает Пушпушев.

Неожиданно в дверь постучали. В кабинет вошла высокая круглолицая девушка, работница райисполкома комсомолка Тасява Шербова. Людо редко бывають в райкоме. Поэтому секретарь оживился, пригнулся к себе блокнот, взял карандаш, чтобы записать, что может важный вопрос.

— Нам надо позволить к райисполкомку стройматериалы,— обращается Тасява, — а лошади нет. Дайте нам сунего, Химика.

Пушпушев разворованно отодвигает блокнот. Он не возражает против того, чтобы взяли лошадь, но ему хочется побеседовать, а девушка торопится, ей некогда, ее ждет. Она благодарит за помощь и уходит.

Пушпушев опять остается один.

«Почему же никто не идет?» — ловит себя на мысли секретарь райкома. Когда поступило по назначению, а то и по двадцать директив и указаний в месяц, он не замечал одиночества. Ему приходилось читать сотни бумаг, затем каждая из них перенесывалась в количестве, соответствующем числу комсомольских организаций района. Он читал, подписывал, звонил в организации, требовал отчетов... Дни были заполнены до предела. И каково казалось Пушпушеву деятельным, энергичным, умелым! А теперь все изменилось.

Пушпушеву явно недостает умения заниматься живой, полезной

работой. Да и откуда взяться этому умению? Он не любит выжидать в холломе, более трех месяцев не был ни в одной организации, да и в райком за это время никто из двух с полдюжины тысяч комсомольцев района не заходил. Правда, по вызову на прием в комсомол являлись несколько человек, но по другим вопросам комсомольской жизни — с просьбами, предложениями или жалобами — не приходил ни один человек.

Впрочем, была одна жалоба. — В начале апреля на имя секретаря райкома поступило письмо. Член комитета комсомола Елюевогос дескупунка учительница Аня Жовова с возмущением сообщала факты, которые превели комсомольскую работу к полному развалу. Она писала: «...последнее комсомольское собрание у нас прошло в начале декабря прошлого года. На нем формально заслушали отчет старгос секретаря Рошменовой сразу за два года. Работы, конечно, никакой. По предложению секретаря партийной организации Галдкова новым секретарем комсомольской организации избрана комсомолку Зину Житковскую. Галдков заверил, что Зина с честью оправдает доверие. Но это только слова. Зина ни за какую работу не бралась. Я, как член комитета, не могу больше смотреть на такую безответственность».

Аня описывала, как однажды содралась перегородочная ее лекция на тему «Дружба и товарищество». Необходимость такой лекции вызывалась самой жизнью. В организации были случаи неправильных взаимоотношений между юношами и девушками. «Кому, как не Житковской», — писала Аня, — нужно было прийти участие в организации такой лекции. Но Житковская поступила иначе. Перед началом лекции она ушла из зала, пригласив с собой нескольких девушек-ком-

сомолок, а после лекции, когда заиграла музыка, Зина и ее подруги вернулись и танцевали до поздней ночи. Разве это поступок комсомолки?

Учительница просила секретаря райкома лично заинтересоваться этим делом и помочь наладить работу в комсомольской организации дескупунка.

Но выпросив наладить она на помощь Пушпушеву. Он и в этот раз не смог выехать на дескупунку. Только через несколько дней получил члену бюро райкома Николаю Каберову расследовать факты, указанные в письме. Каберов поехал, установил: все верно, — и на это дело была поставлена точка.

Равнодушно прочитав письмо Ани Жоховой, секретарь райкома так и не понял, что вот это и есть жизнь комсомольское дело, репини которого ждут от него с нетерпением.

«Вечером позвонили в райком комсомола из колхоза «Заря» и сообщили, что молодильница Леонида Соболева и Надежда Павлова обвенчались в церкви».

— Безобразия! — воскликнула Пушпушева. — Мы это дело разберем!

Взволнованный, он тут же встал за перо и стал писать директиву о разрывании антирелигиозной пропаганды. Однако, расклевывая, вдруг отложив в сторону недописанную директиву: ведь, пожалуй, могут подумать, что он бюрократ и бумажный волокитчик.

Он оплет грустно на душе секретаря райкома. Вид директив и указаний он чувствует себя, словно птица без веревки. Трудов стало ему работать в новых условиях, очень трудно без бумажного оперения!

Я. СУХОРУКОВ

Лежский район, Вологодской области.

В. БЕРЕСТОВ

СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ

Он работает — не ленится: Все строчит бумажинки прозаичные. Читет бумажные металкины В МТС, в поля колхозные. Возникает пожелание (Поля технической мечты!) Для бумагозащедриания Сионструировать шитцы.

ЧИТАТЕЛИ О «СМЕНЕ»

Во Дворце культуры Московского автозавода имени И. В. Сталина состоялась читательская конференция молодежи Пролетарского района. Она была посвящена обсуждению журнала «Смена». Читатели высказали ряд критических замечаний и пожеланий.

— Журнал должен читаться от первой до последней страницы, — горячо работил автозавод тов. Колотневский. — Но это пока лишь наше пожелание. И совершенно, много читатель в «Смене» пропускает мимо своих глаз. Это объясняется тем, что журнал нередко публикует

произведения серые, малохудожественные.

Тов. Колотневский, в частности, указывал на то, что в журнале редко с хорошим, талантливым стилями часто публикуются незрелые. Он выразил такое пожелание, чтобы в журнале больше читалось материалов о жизни рабочей молодежи.

Заведующий отделом пропаганды и агитации Пролетарского района комсомола тов. Шмагов сказал, что журнал еще слабо освещает вопросы, поднятые на XII съезде ВЛКСМ. Нужно больше публиковать очерков

о работе комсомольских организаций, об опыте лучших активистов.

Жизнь нашей молодежи очень богата, — сказал заведующий секцией библиотечной тов. Тершин. — Мы работаем на производстве, участвуем в спортивных соревнованиях, занимаемся в кружках самодеятельности, читаем книги, ходим в театры. Но эта богатая жизнь недостаточно хорошо освещается на страницах «Смены».

Тов. Тершин подчеркнул, что «Смена» слабо освещает спортивную жизнь. Об этом же говорим и читатели тов. Заболотный. Он указывал на то, что в «Смене» узок круг корреспондентов, пишущих о спорте, поэтому многие важные виды спорта, например легкая атлетика, просто забыты. Очерки на спортивные темы зачастую бывают поверхностны. Необходимо, говорил Заболотный, писать о том, как спорт помогает людям в труде, публиковать больше познавательных материалов о спорте.

Отметив, что «Смена» пользуется популярностью среди молодежи, читатель тов. Ходанов указал на то, что журнал мало публикует острых материалов, фельетонов.

Учащаясь ремесленного училища тов. Корешкова сказала, что очерки «Смены» о жизни ремесленников на раз обсуждаются в училище. Но таких материалов в журнале еще мало. «Нельзя было бы», — сказала она, — если бы редакция чаще привлекала в качестве корреспондентов нас, учащихся.

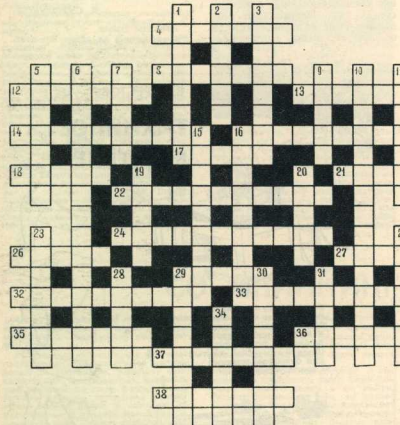
Читатели сделали ряд замечаний и об оформлении журнала.

Работница завода заметила мероприятия по устранению недостатков, отмеченных участниками читательской конференции.

Редакция журнала «Смена» выражает благодарность артистам, принявшим участие в концерте для читателей «Смены»: В. Бузнев, Н. А. Нелиной, Л. С. Князеву, В. Н. Филарову и писателю М. А. Червинскому.

КРОССВОРД

Составила Г. Колоколова (г. Барнаул)

По вертикали:
1. Производственная специальность.
2. Русский ученый, открывший явление

симметрии.
3. Героиня одного из романов Л. Толстого.
4. Ряд полков для книг.
5. Народная артистка СССР.
6. По

рывистое круговое движение ветра.
7. Название шерстяной ткани.
8. Дебелъ сува.
9. Обозначенная цена на товаре, де-

невных знаках.
10. Название произведения.
11. Невосприимчивость и заблужденность.
12. Великий русский художник.
13. Царств.
14. Мировая чемпионка.
15. Местное наречие.
16. Болгарский революционно-демократический мыслитель и поэт.
17. Музыкальный инструмент.
18. Доученик.
19. Отрицательная зарядная ион.
20. Девочное или материальное поощрение.

По горизонтали:
4. Научная дисциплина.
5. Доктор медицины, изучает мезокристаллоиды.
6. Сталинская премия.
7. Творческий слог, применяемый для изготовления режущего инструмента.
8. Рассказ М. Горького.
9. Транспортировочный двигатель.
10. Сообщение, осведомляющее о положении дел.
11. Породистый вид ячменя.
12. Хищное животное.
13. Горная страна в Западной Сибири.
14. Воспроизведение картины или рисунка.
15. Специальность ученого.
16. Сорт смазочного масла.
17. Дебрист.
18. Путь А. С. Пушкина.
19. Цвет.
20. Один из крупнейших городов и промышленных центров Сибири.
21. Итальянский народный танец.
22. Выдающийся русский мифолог.
23. Ред. без суффикса винограда.
24. Уверенность в добросовестности, добросовестности.
25. Сельскохозяйственная машина.

СМЕНА В номере:

- В. Сметанин — У подножья знаменого верховья. Фото-очерк.
- Владимир Толстой — Кто за нами ухаживал.
- М. Водопьянов — В центре Арктики. На вахонке ледочина.
- Виттор Афанасьев — Солдат последнего года службы.
- Стефан.
- Носиф Дитин — Всегда вперед.
- Олеся Юцино — Блуждающий шест.
- Стефан.
- Николай Кассин — Кузнец Архара.
- В. Сидоров — Далеко за морями твоей горды.
- Стефан.
- Лариса Федорова — Михаил Раскин в смятении.
- И. Маргулов — Частое ли это дело?
- Н. Рудневиков — В родном краю.
- Стефан.
- «День открытых дверей». Фото-очерк.
- Георгий Гуляев — Вода и огонь. Ключок земли. Рассказы.
- Юрий Трусов — Стефан.
- Н. Супрунов — Как симмался фильм «Школа мужества».
- Д. Ерихон — Мирный Андерсон Ненсе.
- Г. Ормин — Невисанный источник.
- Л. Рыжова — Модель Нры.
- Стефан.
- Ю. Прометов — Семь озер.
- И. Мезерин — Везе бумажного оперения.
- В. Верестов — Стихиное без-стие.

На первой странице обложки: Абаканская ССР. Дорога на озеро Рица. Фото А. Станюкова.
На четвертой странице обложки: Туристы на отдыхе. Фото П. Шведова.

Оформление номера
В. Урина.
Технический редактор
О. Швова.

Главный редактор М. А. Велчко.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24.
Тираж 120 000 экз.

Тел. Д 3-34-24.

А 5060.

Формат бумаги 70 × 108мм.

Редакция: В. Азнаев, Г. Гуляев, Е. Долгатовский, Б. Егоров, Н. Жуков, О. Комкузова, М. Лукин.

Дата № 1954 г.

1,75 бум. л. — 4,8 руб. л.

Цена
номера
2 руб.

